

В. и В. БОНДАРЕНКО
НЕПОХОЖИЕ ПРОХОЖИЕ

Издательство «Детская литература»

В. и В. БОНДАРЕНКО

НЕПОХОЖИЕ ПРОХОЖИЕ

Сказки

Москва
«Детская литература»

1975

Рисунки Г. АЛИМОВА

Бондаренко В. и В.

Б81 Пенохожие прохожие. Сказки. Рис. Г. Алимова.
М., «Дет. лит.», 1975.

64 стр. с ил.

Весёлые и сатирические сказки куйбышевских писателей-сказочников
братьев Бондаренко Вениамина и Владимира.

Б 70802—430 Без объявл.
М101(03)75

Р2

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Однажды случилась беда — на нору Енота упала осина и прикрыла вход, а в норе находились енотики. Пришёл Енот с охоты, пора енотиков кормить, а как пройти в нору, когда её осиною закрыло? Сам он так ничего и не надумал, а тут Барсук мимо шёл и совсем испортил Еноту настроение. «Куда тебе, — сказал он, — совладать с осиною, ей двадцать лет, а тебе всего три». И ещё другого наговорил, так что у Енота совсем лапки опустились. Спасибо мышке — мимо шла, увидела Енота в беде и сумела слова такие найти, что он сразу поверил в свои силы, а то бы енотикам плохо пришлось.

Ну вот — сам не хотел, а почти пересказал сказку «Непохожие прохожие». Пересказал и подумал: а хорошо ли рассказывать заранее? Интересно ли будет после этого книжку читать? И чтобы проверить себя, взял да и ещё раз прочёл про Енота. И что же вы думаете? И второй раз интересно. Так, наверное, всегда бывает: интересную сказку и раз прочтёшь, и другой, и третий, а всё равно не надоест. А в книге «Непохожие прохожие» их целых двадцать три, и что ни сказка, то презанятнейшая история...

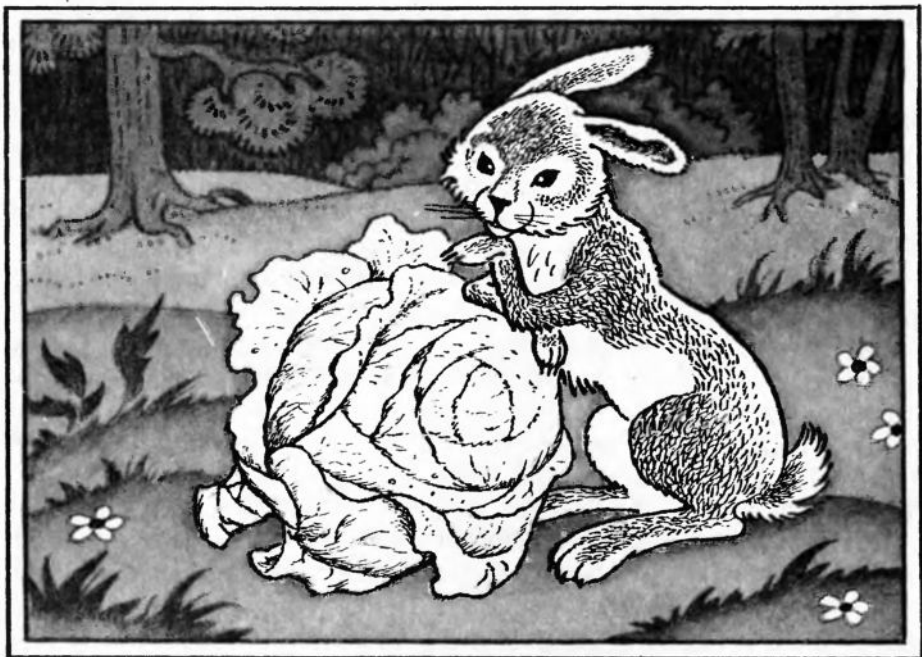
Вот однажды волки, лисы, медведи, зайцы и другие звери, жившие одной большой семьёй, решили щи сварить... Впрочем, что же это я? Опять пересказывать? Так вы, пожалуй, и до сказок самих не доберётесь. Странно прямо-таки получается: хочу написать предисловие, а самого так и тянет пересказывать. Наверное, это оттого, что сказки очень весёлые: что-нибудь скучное разве потянет пересказывать? А я, признаться, даже вслух смеялся и очень радовался, когда читал сказки о лисах, енотах, барсуках, муравьях и разных там

сверчках. Такие это смешные и добрые сказки, что даже волки и медведи в них — не злодеи, а этикие простодушные силачи, которых никто всерьёз не боится.

А теперь несколько слов об авторах. Вениамин и Владимир Бондаренко родные братья. Старший, Вениамин, живёт в Куйбышеве, а Владимир в Чапаевске — недалеко от Куйбышева. До того как стать писателями, Вениамин работал учителем, а Владимир — в газете. И хотя живут они врозь, но часто встречаются, вместе путешествуют, а однажды целое лето проехали на велосипедах — и чего только не навидались! Больше всего в своих путешествиях они любят бывать в деревнях, слушать стариков, старух и детей. Может, именно отсюда близость их сказок к народным — по духу своему и языку. А как кратко и точно умеют они раскрывать характеры своих героев! Скажет вдруг зверюшка словечко или сделает что-нибудь такое, и сразу же видно, трус он, храбрец, добряк или скупец. И это оттого, что авторы хорошо знают и любят их. Ну, а разве в сказках речь идёт про всамделишных зверей и зверюшек? Ведь это речь про нас с вами, про людей, про взрослых и детей, только переименованных на сказочный манер. И от этой любви к людям, от сердечного к ним внимания очарование этих маленьких — с ладонь — сказок братьев Бондаренко.

Написал я всё это, а сам знаете о чём думаю? О том, что, когда выйдет книжка, я снова возьму и перечитаю сказки. А вам, ребята, которые этих сказок ещё не читали, а только взяли книжку и решаете, читать или нет, я смело говорю: прочтите — не пожалеете!

С. Полетаев

ПОЧЕМУ ЗВЕРИ ВРОЗЬ ЖИВУТ

Когда-то звери жили одной семьёй — волки, лисы, медведи, зайцы, — все вместе. И вздумалось им однажды щи сварить: никогда они ничего варёного не ели. Раздобыли кочан капусты, оставили на полянке Зайца караулить его, а сами пошли сучья собирать.

— Возьмите и меня с собой, — запросился Заяц.

Но звери сказали ему:

— Что ты унести можешь? Прутик какой-нибудь. Сиди уж, карауль.

И остался Заяц один на один с кочаном капусты. Похаживает вокруг него, ноздрями шмыгает — вкусно пахнет-то как! Лапками его пожмёт — как захрустит-то сочно! Эх, сесть бы сейчас возле него, обхватить коленками и грызть

бы, грызть. Но как сядешь, когда кочан-то не его — общий. Съешь — шуму не оберёшься.

Ходит Заяц вокруг капусты. Кочан большой, живот у Зайца маленький. Глощает Заяц слюнки, отмахивается от мошкеры, разговаривает убедительно сам с собой:

— Нашли сидельца. Им там хорошо сучья собирать, у них никакого соблазна нет, а тут вот майся, охраняй, а они, может, даже спасибо не скажут за это.

И решил тут Заяц, что за верную службу положен ему листок капусты. Взял и съел его. И стал кочан чуть-чуть поменьше, а живот у Зайца чуть-чуть побольше. А звери всё не шли, а Заяц всё похаживал по полянке да причмокивал:

— М-да, если у них сила, так они и приказывать могут? А если ты маленький? Сказали — карауль. И не поперечишь. Приневолители.

И вдруг решительно шагнул к капусте.

— Чего это, — говорит, — я самого себя томить буду? Есть же в этом кочане моя доля? Есть. Так какая разница, когда я её съем, сейчас или чуть позже?

Прикинул на глазок, сколько должно выпасть на его долю, и съел. И стал кочан ещё чуть меньше, а живот у Зайца ещё чуть больше.

Сидит Заяц, ножки калачиком — хмурится. Хоть и не особенно это у него хорошо получается, но всё-таки хмурится, ворчит:

— Чего это они не идут так долго? Тут измаешься, слюной весь изойдёшь, пока они варить соберутся. Да и зачем варить? Капуста и в сыром виде вкусная.

Говорит, а сам всё ближе, ближе к вилку подвигается. Придвинулся вплотную и сжевал с него ещё несколько листков.

— Я, — говорит, — меньше всех, а маленькому всегда побольше дают.

Так листик по листику и раздел Заяц кочан до самой кочерыжки. И только тут спохватился:

— Что же я наделал?

И слышит, пробирается кто-то сквозь чащу, шебаршит листьями.

— Сейчас мне попадёт. Скажут: падок оказался мотылёк на аленький цветок. Истычут морду кочерыжкой.

Перетрусил Заяц. Но так как он был умным Зайцем, то не стал дожидаться, когда его бить будут, нырнул в кусты, только его и видели.

А на поляну с охапкой ровненьких сухих палочек Лиса вышла. Бросила их на траву, вздохнула:

— Устала, пока донесла. Ну да ладно, наварим сейчас щей, наедемся и ляжем спать... Э, а где же кочан наш?

Ширк, ширк Лиса по полянке — нет капусты, одна кочерыжка валяется, съел кто-то. И Зайца нет. А сквозь чащу слышно, шагает Барсук и хвастается:

— Я, наверное, первым иду. Я вон как торопился. Обеими лапами хватал.

Охнула Лиса:

— Увидят меня сейчас возле кочерыжки и подумают, что это я капусту съела. И попадёт мне. За чужой грех попадёт. Всех блох выколотят. Вгорячах и покалечить могут.

Но так как Лиса была умной Лисой, то не стала она дожидаться, когда её бить будут, кинулась в кусты, только шорох пошёл по ним. И не догадывалась раньше, что в ней прыти столько. А на поляну Барсук вышел, дрова принёс. Посмотрел — нет никого, и ослабился.

— Так и есть, я первый. Не зря же я старался, обеими лапами хватал. Наварим сейчас щей и узнаем, какие они на вкус, щи варёные... Но я что-то капусты не вижу. И Зайца нет почему-то.

Бросил Барсук дрова и давай полянку обшаривать. Наткнулся на капустную кочерыжку и рот разинул:

— Съел кто-то.

И слышит: Медведь сквозь чащу продирается, басит на весь лес:

— Что вы там принесёте? Ни дыма, ни огня от ваших дров не будет. Что в вас силы? Вот я так почти целое дерево волоку.

— Попался, — охнул Барсук и присел от страха. — Увидит меня Медведь с кочерыжкой и скажет всем, что это я съел капусту. И мне попадёт. Ухватят за волосы и поволокут. Доказывай потом, что зря тебя куделили.

Но так как Барсук был умным Барсуком и знал, что небитым быть лучше, чем битым, кинулся он в кусты и с той поры старается не попадаться Медведю на глаза. А Медведь вышел на поляну, осмотрелся, покачал нечёсаной головой:

— Нет ещё никого. Эх, мелкота! Нашли, гляди, теперь по сучку и донести не могут. Не то что я — почти целое дерево приволок. Сейчас разожжём с Зайцем костёр и начнём щи варить. Пока остальные придут, а уж у нас и щи будут готовы.

Но смотрит Медведь: один он посреди полянки. Зайца нет. В траве обглоданная капустная кочерыжка валяется, а издали доносится тоненький голосок Ежа:

— Я тоже прутик в общий костёр несу. Мне тоже дадите щец похлебать.

— Втюхался! — обмер Медведь. — Подумают на меня теперь. Скажут: «Съел Медведь кочан капусты и не поделился ни с кем». Стыдища-то какая!

И так как Медведь был умным Медведем, то он не стал дожидаться, пока соберутся на поляну звери и увидят его, большого, возле маленькой обглоданной капустной кочерыжки. И хоть ленив бежать был, бросился со всех ног в кусты и спрятался у себя в берлоге.

И пошла с той поры у зверей дружба врозь. Прячутся они друг от друга по кустам, стыдятся в глаза поглядеть. И все ищут Зайца, чтобы признался по-честному, что это он съел капусту. Зайцу признаться нетрудно, да не уверен он, что его бить не будут, оттого и носится по лесу, прячется ото всех.

БАРСУК ФИЛЬКА

Жили по соседству в Гореловской роще два медведя: медведь Спиридон и медведь Лаврентий. В добре жили — сердце в сердце. По праздникам в гости друг к дружке хаживали, медком угощались. А неподалёку от них барсук Филька жил. Прижимистый, диковатый. И сам — ни к кому, ни к нему — никто. Завидно было ему, что медведи живут

дружно. И решил он поссорить их. Приходит к медведю Лаврентию и говорит:

— Жалко мне тебя, Лаврентий. Доверчивый ты больно. Считаешь другом медведя Спиридона, а он ходит по роще и посмеивается над тобой. «Лопух, говорит, медведь Лаврентий. Не успеешь порог его берлоги переступить, а уж он мёд на стол тащит — угощайся. Я, говорит, к нему только за тем и хожу, чтобы мёд есть. Он, разиня, нараспашку живёт — приходи, пользуйся».

— Врёшь! — рявкнул медведь Лаврентий. — Врёшь, Филька, оговариваешь Спиридона. Гляди, я в гневе не сдержан. Зашибу невзначай до смерти!

Перепугался Филька, побледнел: ох, в недобрый час подвернулся, надавит чуть покрепче медведь — и дух из него вон. Подлое дело, оказывается, легко начать, да не знаешь, каков конец будет. Не рад уж Филька, что и врат начал, да пятиться назад некуда: слишком далеко зашёл. Хитростью решил взять медведя.

— Крик, Лаврентий, не беседа, кричать и дурак может. А если я вру, пусть провалюсь я на этом месте.

Страшной клятвой поклялся барсук.

Смотрит медведь Лаврентий: сейчас расступится земля и примет Фильку. Но тот как стоял, так и остался стоять, а земля даже и не шелохнулась под ним. И тогда поверил медведь всему, что сказал барсук. За стол усадил его, миску мёда на чистую скатерть поставил, угощает, жалуется:

— Как она, жизнь-то, повернуться может, а! В глаза, значит, — друг, а за глаза — лопух. Эх, Спиридон, Спиридон...

А Филька ест мёд и поддакивает:

— Что ж, подле пчёлки мёдом пахнет, подле жука — навозом. С друзьями уж так: в радости они сыщут, а в горести забудут. Сегодня их полна берлога, а завтра и здравствуй сказать некому. Объели, опили, и поминай как звали. В душу ни к кому не заглянешь, а без этого как узнать, друг он тебе или только мёд есть приходит. Нет уж, лучше самому по себе жить. И радость и горе — всё твоё, всё от тебя. Неужто ты, Лаврентий, умом не дорос, чтобы понять это?

Говорил Филька, а сам мёд за обе щеки уписывал. Наелся досыта, а остатки слил в корец и унёс домой — пригодится.

Отдохнул после сладкого обеда, а к вечеру, около сумерек, к медведю Спиридону подался. Пришёл и ну нащёптывать в мягкое медвежье ухо:

— У медведя Лаврентия в гостях был сейчас. Что он говорит о тебе, сказать даже страшно! Говорит, что ты жулик, что ты делаешь только вид, что живёшь честно, а сам мёд потихоньку из его ульев ворует.

Поднялся медведь Спиридон, натопорщился:

— Врёшь, Филька! Ух и язык у тебя блудлив, что коза. С ветру говоришь. Не мог Лаврентий обо мне сказать такое. Мы же с ним с детства друг друга знаем. Сколько раков на речке вместе переловили. Он же мой друг.

А Филька щурит глазки, подбородком кивает, говорит, что бисер на нитку нижез — блёстка к блёстке:

— Друзья, они разные бывают: и верные и неверные. Ты с другом по вечерам на завалинке посиживаешь, на вечернюю зорю смотришь, а он камень против тебя за пазухой держит. И не увидишь, как бабахнет. Нет, горе одолеет, никто не пригреет. А если говорю я неправду, то пусть сгорю я на этом месте и даже дыма от меня пусть не будет.

Страшной клятвой поклялся барсук.

Медведь Спиридон попятился даже от страха: сейчас запыхает Филька. А Филька как стоял, так и остался стоять, даже ещё поднял прутик с земли, колечко из него свивать начал. И тогда поверил медведь всему, что говорил барсук, и обмер от обиды. Заахал:

— А, лучшим другом облихован! Ах, Лаврентий, Лаврентий! Я в тебе души не чаял, а ты вон обо мне говоришь что: жулик я. Да я за всю мою жизнь никакой корыстью не замарал себя, не то чтобы на чужое позариться. Да и зачем мне чужое, когда у меня своего девать некуда.

А тут и ужинать пора поспела. Притащил медведь огромную миску мёда. Поставил на стол перед барсуком и дал ему большую ложку.

— Ешь, — говорит, — Филька. Если бы не ты, я бы и теперь не знал, что не друг мне Лаврентий. В глаза мне одно говорит, а на стороне — другое.

Чмокал Филька медовыми губами, соглашался:

— Что верно, то верно, подле пчёлки мёдом пахнет, подле

жука — навозом. Друг, он ведь что месяц: то он большой, то маленький, то за облако спрятался, то опять светит. Без друзей куда легче живётся. Друг — это ведь одно беспокойство. То сам к тебе в гости плетётся, то тебя к себе в гости зовёт. Нет уж, лучше без друзей жить, чтобы тебе никто не мешал и чтобы ты никому помехой не был.

Говорит так барсук Филька, а сам присуседился и знай черпает мёд из миски. За всю жизнь столько не видел, сколько съесть ухитрился — чуть из-за стола поднялся. Домой не пошёл. У медведя Спиридона ночевать остался.

«Утром позавтракаю у него, всё дома не есть», — думал он, умащиваясь в медвежьей постели. А она у него из камыша связана, на такой мягко и крепко спится.

Спит Филька, похрапывает, а медведя Спиридона и сон не берёт. Ночь выдалась паркая, туманистая. Ворочается медведь с боку на бок, сопит. Взнывает в груди сердце — нелегко друзей-то терять: «Ах, Лаврентий, Лаврентий, ни за что ты оглаголил меня, ни за что ославил. Эх, не зря говорят, что камень друга ударяет сильнее...» А потом поднялся и пошёл к соседу. Решил он ему обиду свою в глаза высказать. Оторвать от сна и высказать.

Но будить медведя Лаврентия не надо было. Не спал он. Сидел пригорюнясь на завалинке, душой скорбел: «Ах, Спиридон, Спиридон...» А он вот он, медведь Спиридон, идёт к нему, нахмуренный, ненастный. Подошёл и говорит:

— Что же это ты, Лаврентий, опустился как, враньём не гнушаешься, небылицы обо мне плетёшь, будто жулик я, мёд из твоих ульев ворую, а я и не корыстен вовсе. Зачем лгал?

Отвернулся медведь Лаврентий в сторону. Говорит, а голос глухой, печальный, будто и не медвежий вовсе:

— Не в том углу сидишь, Спиридон, не те песни поёшь. Не говорил я о тебе такого. Это ты вон ходишь по роще и говоришь всем, что лопух я, мёдом тебя кормлю.

— Что ты, поклёп, небывальщина это, — взмахнул медведь Спиридон лапами, — чтобы я о тебе говорил такое...

И только тут догадались медведи, что обманул их Филька, поссорить задумал, а им и невдогад. В душу вполз, змея запазушная, про жука навозного сказки сказывал.

Жаль кулака, да надо бить дурака. Пришли медведи в берлогу к Спиридону, подняли потихоньку матрац с Филькой, отнесли к речке и пустили на воду.

Сказали:

— Лаком ты, милый, к мёду, да пить тебе воду. Плыви, крапивное зелье, из нашей роши.

И пошли к медведю Лаврентию спать.

Проснулся Филька перед утром. Лежит в заревом за-тишье, нежится, глаз не открывает, думает: «Позавтракаю сейчас у Спиридона, а обедать к Лаврентию пойду. Так и буду кормиться возле них, медок посасывать. С хитрецей жить — в достатке быть. Врать — не мякину жевать, не пода-вишься».

И слышит он тут — булькает у него под матрацем что-то. Ощупался со всех сторон, а под него вода подсочилась. Вскочил, смотрит: плывёт он на медвежьем матраце по речке, несёт его речка мимо поёмистых берегов неизвестно куда, а на заревой воде рыба взгрывает.

Перепугался барсук, побурел от страха: до одного берега далеко, а до другого ещё дальше.

— Караул! — кричит. — Тону! Помогите!

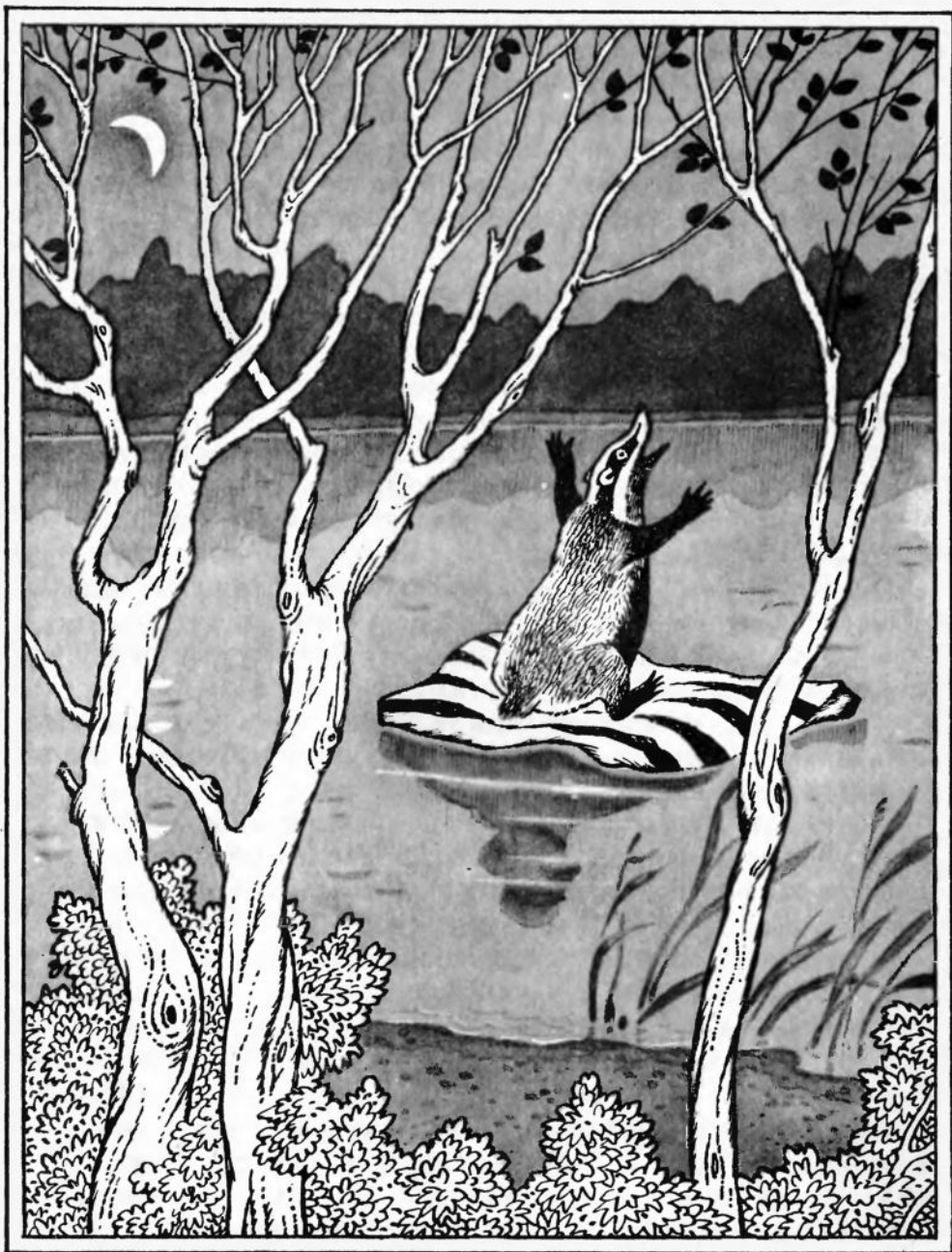
Подхватило его крик эхо, понесло по роще и по тальни-кам поречным. Услышал его медведь Спиридон, сказал своему соседу медведю Лаврентию:

— Слышишь, Лаврентий, как вопит голосисто. Проснул-ся, значит, зелье крапивное.

— Пусть повопит, может, урок этот ему на пользу пойдёт, а то ишь — кривью жить вздумал, — ответил медведь Лав-рентий, перевалился на другой бок и захрапел снова: ночью-то недоспал.

ГОРДЫЙ ПЕТУХ

Жил во дворе у бабушки Танахи Петух. Так себе пету-шок — маленький, слабенький. Да бабушке лучшего и не надо было: кукарекает, и ладно. Зато Петух с этим мириться никак не хотел.

— Да, на мою долю счастье быть большим не выпало, — говорил он, — но не может быть, чтобы я был самым хлипким петухом во всей деревне. Есть на чьём-нибудь дворе петух и послабее меня.

И шёл с деревенскими петухами силой меряться. Бывало, так намеряется, что еле домой бредёт, но голову высоко держит. Пылкого нрава был петух.

— Ничего, — говорит, — я завтра к петуху дедушки Назара схожу. Ещё с ним не дрался.

Так из двора во двор по всей деревне прошёл и везде бит был. Но гордыни в нём от этого ничуть не ubyло. Пришёл домой с последней битвы, присел у забора, чуть дышит, а всё-таки говорит:

— Это ещё не всё. Вокруг вон сколько деревень разных. Запоют на заре петухи, только слушай, и я знаю: есть где-нибудь в этих деревнях петух послабее меня. Его только найти надо и показать всем.

На другое же утро отправился Петух бабушки Танахи на Белое Озеро с белозёрскими петухами силой меряться. В полдень прибежала оттуда Хохлатка к курам бабушки Танахи и закричала:

— Ой, бегите скорее! Там вашему Петуху наши так дали, что он даже идти не может. Лежит под кустом бузины и крылышками подёргивает.

Побежали куры, смотрят и не узнают своего Петуха: весь-то он исклёван, весь-то он искровавлен. Жаром пышит. Подхватили они его под крылышки, поставили на ноги, повели.

Идёт Петух, шатается, выпячивает узенькую грудь, кукарекает:

— Неужели я самый последний во всей округе? Не хочу быть последним. Пусть не первый я, пусть не второй, но и не последний. — И, поворачиваясь в сторону Белого Озера, всхлипывает: — На этот раз ваша взяла, но я вот отлежусь немного и ещё раз наведаюсь к вам. И к романовским петухам схожу, вот увидите. Живёт он где-то, петух послабее меня. Его нужно только найти и показать всем.

Дома уложили его куры на мягкую постель, кудахтали над ним:

— Не ходи больше к ним, Петя, добьют они тебя. Они вон громилы какие, смотреть даже страшно. Кроха ты перед ними.

Моргал Петух подбитым глазом, хорохорился:

— Это я только ростом не взял, а духу во мне столько, что его на всех петухов хватить может. Отлежусь и пойду. Не может быть, чтобы я был самым последним петухом во всей округе. Да что я, счастьем обойдённый, что ли!

И отвернулся к стене. А как только почувствовал, что может снова на ногах стоять, поднялся и пошёл в Романовку. Вечером принесли его оттуда романовские петухи и подкинули в подворотню:

— Заберите Петуха вашего. Он ещё дышит.

И пришлось Петуху бабушки Танахи опять отлёживаться. Ничего, отлежался. Поднялся на ноги и говорит:

— Пойду я. Земля большая. Много на ней петухов живёт всяких. И есть где-нибудь среди них петух и послабее меня. Его нужно только найти и показать всем. Вернусь, когда найду, до этого не ждите.

Простился с курами и пошёл. Долго они шли за ним, кудахтали, просили не ходить, но он так и не вернулся. И где он теперь, никто не знает. Может, всё ещё идёт ищет, а может, сложил уже у околицы какого-нибудь села гордую голову, и степные ветры спели над ним одну из своих печальных песен.

ЗАГРОЗИЛ

Страх как любил капризничать медвежонок Ивашка. Уворует мать на деревне ягнёнка, принесёт к берлоге, положит перед ним, скажет:

— Ешь, моя радость, поправляйся.

Сидит косолапая «радость» над ягнёнком, морщится:

— Это мне не по душе. Не хочу ягнёнка. Давай мне гуся.

Идёт Медведица гуся добывать. Единственный у неё сыночек Ивашка, и хочется, чтобы рос он у неё без нужды и без горя.

Только рос Ивашка, как бельмо в глазу. Помыкал матерью, изгалялся над нею. А однажды такую шутку выкинул:

Наловила мать раков в речке, несёт домой.

— Угощайся, соколик мой.

А «соколик» отвернулся, брови сдвинул:

— Я тебя с мёдом жду, а ты раков принесла!

— Как же? — удивилась Медведица. — Ты же вчера сам раков просил.

— То было вчера, а сегодня мёду давай, а то кричать буду.

Горько стало Медведице. Целый день она в речке воду меряла, продрогла вся — и не угодила. Схватила она Ивашку за ухо — ах ты, кряхтун сиволапый! — и ну из стороны в сторону водить, приговаривать:

— Не измывайся над матерью, не капризничай!

А напоследок шлепка дала. Откатился от неё Ивашка кубарем, кричит:

— С голоду умерить хочешь? Утоплю-усь!

А Медведица отвечает:

— Топись, леший косматый, топись, душегубец! Я без тебя хоть вздохну свободно. Совсем ты меня умаял.

Надрал Ивашка лыка, сел под берёзой, верёвку вьёт, говорит:

— Ох, мать, в тихой воде омуты глубокие. Гляди — удавку вью.

А Медведица отвечает:

— Вей, вей, сынок, да покрепче — не оборвалась чтоб.

Свил Ивашка верёвку, нашёл камень, привязал к шее. Говорит:

— Смотри, мать, камень привязал.

— Привязывай, сынок, да потуже — не отвязался чтоб.

Повернулся Ивашка и покосолапил к реке. Веревка длинная, камень по коленкам колотит, а Ивашка шажки всё короче, короче делает. Остановился у воды, кричит через правое плечо:

— Смотри, мать, пришёл. Сейчас топиться буду.

А Медведица сидит у берлоги, приговаривает:

— Топись, сынок, топись. Вода-то сегодня тёплая, приятная.

Забрёл Ивашка по колени в воду, поднял над головой камень:

— Смотри, мать, брошу сейчас камень, и не будет у тебя Ивашки.

— Бросай, сынок, бросай, не томи себя.

Осторожно опустил камень Ивашка. Нос под воду спрята, сам весь снаружи. И на мать украдкой поглядывает.

Вскочила тогда Медведица, схватила Ивашку за загривок и ну в речку окунать, приговаривать:

— Топись, леший косматый, топись, мучитель.

Да вглубь его, вглубь тащит.

— Ой! Тону-у! — взревел Ивашка и — буль-буль — пузыри пустил.

Вынырнул, кричит суматошливо:

— Ой, совсем утонул! — и — буль-буль — опять пустил пузыри.

А Медведица знай окунает его. И так наокунала, что Ивашка еле до берлоги добрался. И полдня на завалинке икал.

И что вы думаете? С этого времени всякая охота у него топиться пропала и капризничать перестал.

ДВА КОТЁНКА

Собралась Кошка ужином котят кормить. Смотрит, а дать-то им и нечего. Заигралась днём и ничего не приготовила. Сказала она тогда серенькому котёнку Васе:

— Сходи к Пустобрёху. Он пёс запасливый. Может, у него что найдётся.

Приходит котёнок, смотрит — сидит пёс Пустобрёх у конуры и куриные косточки пересчитывает. Жирные, мягкие. И потекли у котёнка слюнки.

— Дядя пёс, дай мне одну косточку. Так есть хочется, так хочется...

Поморщился Пустобрёх, рожа до колен вытянулась.

— Разве так просят? Ты мне скажи «братец», тогда я те-

бе дам. Ласковые слова, они что весенний день — сердце нежат.

Посмотрел котёнок Пустобрёху в глаза плавучие и отвернулся: ну какой он ему, Пустобрёх, братец? Пёс он, брехало. Всех задирает, всех облаивает.

— Не могу я тебе такого хорошего слова сказать, — вздохнул котёнок и ушёл домой.

Пришёл. Рассказал матери. Зашипела на него Кошка:

— Глупый ты, глупый. Что у тебя, язык отвалился, если бы ты его братцем назвал?

— Да какой он мне братец? — отвернулся котёнок. — Всех облаивает, яйца из курятника таскает. Пёс он, брехало пустозвонное.

— А по мне, пусть он будет и пёс, лишь бы ужином накормил, — сказал на это белый котёнок Петя и вприпрыжку ку побежал к Пустобрёху.

Встал перед ним. Спинку радугой выгнул. Глаза подмаслил. И кто его, прониру, учил этому! Замурлыкал:

— Братец Пустобрёх, дай мне поглотить куриную косточку. Я сегодня ещё не ужинал.

Недолго котёнок метил, да хорошо попал. Осклабился Пустобрёх. Никто его так нежно ни разу ещё не величал.

Просит:

— Повтори ещё раз.

Повторил котёнок:

— Братец Пустобрёх, дай мне куриную косточку поглотить. Я сегодня ещё не ужинал. А ты у нас такой желанник.

— Молодец. Вот тебе самая жирная косточка. Брату скажи, пусть и он приходит. У меня ещё косточки есть.

Довольный, прибежал котёнок домой, спрятался в уголок потемнее и лежит чмокает, косточку посасывает. Слушал-слушал его серый котёнок Вася и поднялся:

— Ладно уж, скажу я ему, постылому, это слово.

Издали завидел его Пустобрёх. Приосанился. Плечи расправил, губу оттопырил, лапу левую в сторону отбросил: как же, просить его идут.

«Шагаешь, голубчик? То-то, голод — не тётка. Он и волка из норы выманивает», — думает Пустобрёх, а сам так весь

и тает от удовольствия: сейчас ему гордый котёнок кланяться будет.

— Ну-с, говори.

Посмотрел котёнок на его сытые щёки, на плавучие какие-то жабыи глаза, сказал уверенно:

— Пёс ты! — и, загнув хвост, решительно пошагал домой.

Дома сказал матери:

— Ничего у меня не вышло. Ну как я ему скажу «братец», если я точно знаю, что он — пёс. Я лучше без ужина спать лягу.

НЕПОХОЖИЕ ПРОХОЖИЕ

Упала на нору Енота осинка и прикрыла вход в неё. Енота дома не было. На охоте был Енот. Приходит он домой, смотрит — не войти ему внутрь. Всполошился:

— Как же быть мне? У меня в норе енотики. А уж день кончается. Мне кормить их надо. Мне снаружи стоять никак нельзя.

Совсем было Енот духом упал, а потом смотрит — осинка-то тоненькая. В такой и тяжести, гляди, нет.

— Сейчас, — говорит, — вздохну поглубже, поднатужусь и отодвину её в сторону.

Мимо Барсук бежал. Услышал его слова, приостановился:

— О чём это ты?

— Да вот осинка упала и вход в нору прикрыла. Я сперва было растерялся, закручинился, голову повесил, а потом смотрю — ничего страшного нет.

— Как нет! Это же осина. Беда какая!

— Какая там беда, — усмехнулся Енот, — вздохну сейчас поглубже, поднатужусь и отодвину в сторону.

А Барсук зааикал:

— Ай, ай, быстрый какой! Нет, брат, выше ветра головы не носи. Осине-то, гляди, лет двадцать будет. А тебе сколько?

— Три года.

— То-то и оно, а ты козлишься. Не к добру ты, брат, весел. Двадцать лет и три года — разница. Слаб ты против

неё: двадцать лет она тяжести набирала, а ты, бормотун, всего три года силы копил и куражишься. Не сдвинешь вдруг-то.

Осмотрел Енот себя — и впрямь слабоват он против осины. Вон она разлеглась как, не столкнуть. А Барсук похаживает вокруг, лапами всплёскивает:

— Ай-ай, сучков-то сколько! И каждый за землю держится. Не оторвать, ни за что не оторвать — у тебя всего четыре лапы-то.

Смотрит Енот — верно, много сучков на осине. И каждый за землю ухватился. Где их оторвёшь, когда у него всего четыре лапы-то.

И повесил Енот голову. А Барсук побегал ещё немного, поайкал:

— Ай-ай-ай, беда-то какая!

И побежал дальше. А Енот у норы своей остался. Сидит, губами чмокает, вздыхает:

— Что же мне теперь делать? У меня же в норе — енотики. Бедный я, бедный.

Мимо Мышка бежала. Услышала его слова. Остановилась:

— О чём это ты?

— Да вон осина на мою нору упала, вход закрыла, а у меня в норе енотики. Мне кормить их надо. Мне снаружи стоять никак нельзя.

Обежала Мышка осину вокруг, сказала:

— Ну и чего ж ты сидишь? Носом клюёшь, гóришься. Бери и отодвигай её в сторону.

— Отодвинь попробуй. Это же осина.

Обежала Мышка опять осину вокруг, сказала:

— Да какая же это осина? Осинка. Чего ты, вахлак, на себя страх нагоняешь? Ты не закормыш какой-нибудь. Переполошил. Бери и отодвигай в сторону.

Сказала так Мышка и словно бархатом провела — так ему легко стало. Но вспомнил он Барсука, загундосил:

— Куда мне! Осине-то двадцать лет, а мне всего три года.

— Двадцать лет! Нашёл чем пугать, балабола. Да она все эти двадцать лет на месте простояла, а ты три года

по земле бегал, сил набирался. Ты посмотри на себя, какой ты крепыш. У тебя вон грудь круглая какая. И плечи покатые.

Осмотрел Енот себя — точно, круглая у него грудь и плечи покатые. Может, и впрямь попытаться? Но вспомнил Барсука, сказал:

— Да, у неё вон сучьев сколько. И каждый за землю держится. Сдвинь её попробуй.

Обежала Мышка осину вокруг, сказала:

— У тебя что, мозги набекрень сдвинулись, что ли? Какие же это сучья? Так, веточки зелёные. Раскудахтался. Погляди лучше, пустоплёт несуразный.

Смотрит Енот: точно, какие там сучья — ветки зелёные и не держатся вовсе за землю, а отталкиваются от неё. Может, попытаться всё-таки?

А Мышка топчется рядом, торопит:

— Берись, берись, не робей. Поднимешь сейчас, я ухну, и отбросишь ты эту осинишку в сторону.

Взялся Енот и чувствует — точно, не такая уж осина и тяжёлая, а если ухнет сейчас Мышка, двинет он её, и откроется вход в нору.

И ухнула Мышка:

— Ух!

Двинул Енот осинку и увидел своих енотиков. Обрадовался:

— Вот спасибо тебе, Мышка, выручила ты меня.

Сидел он потом у себя в норе, кормил ребятишек и думал: «Барсук прошёл — силу отнял, Мышка прошла — силу дала. Какие прохожие разные бывают».

ЗАЯЧИЙ ПЛЕТЕНЬ

Построил себе Заяц дом и решил плетнём огородить его, да повыше решил плетень выплести, чтобы никто не видел, что у него во дворе делается.

И представилось Зайцу: выплел он плетень высокий-

высокий. Идёт вдоль него Медведь, шею вытягивает, на цыпочки привстаёт, хочется ему поглядеть, что там у Зайца во дворе делается, да не может: не по росту заячий плетень ему, высок слишком.

Остановился Медведь, спрашивает:

«Отгораживаешься, значит, да? Хоронишься?»

А глазами сам так и жигает.

Ох, как представил себе это Заяц, так тут же сразу и решил:

«Нет, репём осеешься, не рожь взойдёт. Негоже Медведя сердить, силы в нём много. Всех под свою лапу гнёт. Найдёт, как выместить...»

И потрянул ушами.

«Ладно, выплету я вокруг своего дома плетень чуть-чуть пониже, чтобы Медведь видел, что у меня во дворе делается, а Волк и остальные все — ничего».

И представилось Зайцу: выплел он себе плетень чуть ниже. Идёт вдоль него Медведь и всё видит, что у Зайца во дворе делается, а Волк бежит вдоль плетня, тянет шею. И ему хочется посмотреть, что там у Зайца во дворе делается, да не может — слишком высок для него плетень заячий.

Остановился тогда Волк и говорит:

«Медведю, значит, можно глядеть во двор к тебе, а мне нельзя? Ну, х-хо-р-р-ошо».

А зубами сам так и поскрипывает.

Ох, как представил себе это Заяц, так тут же сразу и решил:

«Негоже и Волка сердить: он того же поля ягода, что и Медведь. Найдёт, как выместить».

И потрянул ушами.

«Ладно, выплету я свой плетень ещё чуть ниже, чтобы Медведь с Волком видели, что у меня во дворе делается, а Лиса и остальные все — ничего».

И представилось Зайцу: выплел он себе плетень ещё чуть ниже. Идут вдоль него Медведь с Волком, и всё видят, что у Зайца во дворе делается, а Лиса бежит вдоль плетня, силится заглянуть во двор к Зайцу да не может — слишком высок для неё плетень заячий.

Остановилась тогда Лиса и говорит:

«Медведю с Волком, значит, можно глядеть во двор к тебе, а мне нельзя? Та-ак».

А сама индо вся изгибается от лихости.

Ох, как представил себе это Заяц, так тут же сразу и решил:

«Ох, негоже и Лису сердить: с огнём подружишься, в пламени жить будешь. Лукавства в ней много, найдет, как выместить. Куском поманит, а хворостиной угостит».

И тряхнул ушами.

«Ладно, выплету я свой плетень ещё ниже, чтобы Медведь, Волк и Лиса видели, что у меня во дворе делается, а остальные все — ничего».

И представилось Зайцу: выплел он себе плетень ещё чуть ниже. Идут вдоль него Медведь, Волк и Лиса и всё видят, что у него во дворе делается, а Мышка бежит вдоль плетня. На цыпочки привстаёт, подпрыгивает. Хочется и ей заглянуть во двор к Зайцу, да не может — слишком высок заячий плетень для неё.

Присела тогда Мышка у плетня и говорит:

«А если я маленькая, слабенькая, то от меня отгораживается даже Заяц!»

Представил это Заяц, и стыдно ему стало перед маленькой Мышкой, только от неё одной вроде и отгородился он.

«Нет, если уж гриву коня упустил, за хвост не удержишься».

И сказал решительно:

— Не буду я никакого плетня ставить. Пусть все глядят, что у меня во дворе делается, я бессекретный, мне себя за высокий забор хоронить нечего.

Так он и сделал: никакого плетня не поставил, но кольев вокруг дома всё-таки набил, чтобы все видели, что здесь у него, у Зайца, должен быть плетень.

ОБИДЕЛСЯ МЕДВЕДЬ НА СВЕРЧКА

Бежала Лиса мимо берлоги медвежьей. «Дай, — думает, — погляжу, что медведь делает». Заглянула в щёлку и видит: сидит медведь за большим столом и большой ложкой из большой миски мёд ест.

Потянула Лиса дверь на себя, а она закрыта. Тук-тук лапкой, а сама в щёлку смотрит, что медведь делать будет.

Вскочил медведь из-за стола, оттащил миску с мёдом в дальний угол, прикрыл её лопухом и уж только после этого голос подал:

— Кто там?

— Я это, Михайло Иваныч, — Лиса. В глаз что-то попало. Погляди, пожалуйста, окосеть боюсь.

Впустил медведь Лису в берлогу. Глядит ей в глаз, а он чистёхонек, ну даже самой крохотной пылинки в нём нет. А Лиса говорит:

— Ты лучше, Михайло Иваныч, смотри, чтобы мне к тебе второй раз этакую даль не тащиться.

А сама думает: «Ну, как заставить медведя медком меня угостить?»

И тут затиррикал сверчок в углу:

«Тиррик... Тиррик...»

И Лиса сразу же наострила уши:

— Что, что?.. Ну и что? Михайло-Иванычева миска, а он куда хочет, туда и поставит её.

— О чём это ты? — спросил медведь, а сам всё в лисий глаз смотрит.

— Да вот сверчок говорит, — отвечает Лиса, — что ты миску со стола в угол составил и лопухом прикрыл. А я ему и говорю: что это твоя миска, а ты свою миску куда хочешь, туда и ставишь.

— Верно ты говоришь. Какое дело сверчку, куда я миски свои ставлю.

А сверчок опять в углу затиррикал:

«Тиррик... Тиррик...»

И опять Лиса уши наострила, будто слушает.

— Что, что?.. Ну и что? На то и миска, чтобы в ней держать что-то.

— О чём это ты? — насторожился медведь.

— Да всё сверчок этот. Говорит, что у тебя в миске мёд. А я ему и говорю: ну и что? На то и миска, чтобы в ней держать что-то.

— Верно говоришь. Какое дело сверчку, что я держу в своих мисках.

И опять сверчок в углу затиррикал. Навострила Лиса уши:

— Что, что?.. Ну, это ты брось. Не такой Михайло Иванович медведь, чтобы скряжничать. У него натура широкая. Он каждого пригреть и приласкать норовит.

— О чём он там ещё? — громыхнул медведь басом.

— Да говорит, что ты это от меня мёд спрятал, чтобы не потчевать меня.

— Вот брехун! — возмутился медведь и грохнул на стол миску с мёдом. — Да у меня и в мыслях никогда не было такого. Садись, угощайся, будь гостем.

Сидела Лиса за большим медвежьим столом, ела большой медвежьей ложкой из большой миски мёд, а сверчок тиррикал себе в углу свою всегдашнюю песенку:

«Тиррик... Тиррик...»

Слушал его медведь и горько думал: «А, в моей берлоге живёт, моим теплом греется и выдаёт мои же тайны! Какие квартиранты бывают!..»

ХИТРОСТЬ МЕДВЕДИЦЫ МАТРЕНЫ

Ничему не хотел учиться у медведицы Авдотьи медвежонок Ивашка. Бранит, бывало, его медведица, а Ивашка сердится, отбрёхивается воркотливо:

— И как это ты всё видишь? Это, наверное, потому, что я у тебя один. Надоел тебе, как соринка в глазу.

И тут заболела медведица Авдотья и пригорюнилась — куда Ивашку девать. А соседка её, медведица Матрёна, и говорит:

— Давай его ко мне. У меня своих медвежат двое, а где двое есть, там третий не помешает.

Обрадовался Ивашка — среди Матрёниных ребят его незаметно будет. Не делай ничего — и слова никто не скажет.

Переспали ночь. Собралась медведица завтраком медвежат кормить, смотрит — её Мишук и Машута заправили постели, а Ивашка и не подумал. Как была она у него разбрыкана с ночи, так и осталась.

Задумалась медведица: как быть ей? Как сказать Ивашке об этом? Пожурить — ещё обидится. Скажет: если мать заболела, то уж и ругают меня.

И тогда кликнула медведица сына своего и ну его виновать:

— Ты что же это, Мишка, как постель плохо убрал? Погляди, куда у тебя подушка углом смотрит?

— К окошку, — прогудел медвежонок.

— А куда нужно, чтобы она глядела?

— К двери, — прогудел медвежонок.

— Так что же, выходит, я тебя зря учила? Да я вот тебя, неслуха, за вихор сейчас! Убирай всё сызнова.

Раза три Мишук пропотел, пока его мать бранить перестала. Мишука перестала, Машуту начала:

— А у тебя, Машка, что это одеяло морщится? Разве я тебя, срамница, так учила постели убирать? И не хмурься, не опускай бровей. Нашкодила, так гляди прямо. Ишь наёжилась.

Уж она её, уж она её!

«У... — натопорщил Ивашка уши. — У Мишука с Машухой всё-таки заправлены койки, и то она их вон как куделит, а что же будет, когда до меня очередь дойдёт?..»

Подбежал к своей кровати, заправил её скорее, одеяло разгладил, чтобы ни одной сборинки не было. Подушку углом к двери поставил, сделал всё как надо.

Похвалила его медведица:

— Вот у кого учиться постели убирать, у гостя нашего.

И ещё своих медвежат поругала.

Стали за стол садиться. Смотрит медведица — её Мишук и Машута умылись, а Ивашка и не подумал даже. Он у себя дома никогда не умывался.

— Всё равно, — говорит, — к завтраму опять испачкаюсь, грязный буду. Зачем же тогда сегодня умываться?

И в гостях неумойкой за стол полез. Провёл сухой лапой по роже, и хорош!

И задумалась медведица: как быть? Пристыдить Ивашку? Ещё обидится медвежонок. Скажет: если мать заболела, то уж и стыдят меня. И напустилась тогда медведица на сына своего, зашумела:

— Что же это ты, Мишка, умылся как? Щёки потёр, а под носом кто мыть будет? Разве я тебя, озорника, так умываться учила?

— Нет, — прогудел медвежонок.

— А что же ты, ослушник, позоришь меня перед гостем? Полотенце новёхонькое грязью затираешь. Плутством отойти задумал? Зашелудиветь хочешь?

Уж она его, уж она его!

Раза три пропотел Мишук, пока его мать бранила. Побежал скорее к умывальнику. А медведица дочь свою отчитывать принялась:

— А ты, Машка, что же, срамница? Шею вымыла, а про уши забыла. Я тебя разве так учила умываться? И что это ты супишься? Ты уж не дерзить ли мне собираешься? Прикуси язык, грязнушка.

Уж она её, уж она её!

«У-у-у... — поползли у Ивашки к потолку уши. — Мишук и Машута всё-таки умылись, и то она их вон как бранит, а что же будет, когда она увидит, что я совсем неумытый за столом сижу...»

Съёрзнул со скамейки — и к умывальнику. Морду вымыл, из ушей всё выгреб, шею чисто-начисто продрал.

Похвалила его медведица:

— Учитесь, — говорит, — у Ивашки, как умываться надё.

Так и повелось с той поры: увидит медведица у Ивашки непорядок какой, своих медвежат винить начинает, а

Ивашка догадывается и, пока до него очередь дойдёт, приведёт себя в порядок. Похваливает его медведица. Ивашка тоже доволен.

— Хорошо, — говорит, — что я ей чужой: не сразу она меня замечает. Пока своих отбранит, меня уж и бранить не за что. Вот как.

ПЛЕМЯ ПЛУТОВСКОЕ

Поймал медведь Спиридон в речке пять раков, несёт домой. Думает — позавтракаю сейчас. Навстречу ему Лисёнок. Увидел раков и заморгал глазёнками — морг, морг.

— Что, — говорит медведь Спиридон, — хочется небось рака отведасть?

— Хочется, — признался Лисёнок.

— Ну, так и быть, на тебе одного. Мне на завтрак и четырёх хватит.

Потянулся было Лисёнок лапкой за раком, но тут же отдёргнул её.

— Нет, — говорит, — дядя Спиридон, не возьму.

— Почему это?

— Принесу домой, спросит мать: где взял?

— Скажешь, что я дал.

— Нет, спасибо, дядя Спиридон, но не возьму.

— Да почему же?

— Не поверит мать. Скажет: не может быть, чтобы такой добрый медведь и дал только тебе рака, а мне — нет.

— Кха, — крикнул медведь Спиридон и достал из лукошка ещё одного рака: — Бери, коль, двух тогда. На завтрак мне и трёх хватит.

Потянулся было Лисёнок за раками, но тут же отдёргнул лапку.

— Нет, — говорит, — дядя Спиридон, не возьму.

— Почему это?

— Принесу домой, спросит мать: где взял?

— Скажешь, что я дал.

— Нет, спасибо, дядя Спиридон, но не возьму.

— Да почему же?

— Не поверит мать. Скажет: не может быть, чтобы такой добрый медведь тебе рака дал, мне дал, а братишку позабыл. Не поверит.

Крякнул медведь Спиридон и достал из лукошка ещё одного рака.

— Бери, — говорит, — трёх тогда. До обеда я как-нибудь и двумя обойдусь, а там ещё поймаю.

Потянулся было Лисёнок за раками, но тут же отдёргнул лапку.

— Нет, — говорит, — дядя Спиридон, не возьму.

— Почему это?

— Принесу домой, спросит мать: где взял?

— Скажешь, что я дал.

— Нет, спасибо, дядя Спиридон, но не возьму.

— Да почему же?

— Не поверит мать. Скажет: не может быть, чтобы такой добрый медведь тебе рака дал, мне дал, брату твоему дал, а сестрёнку малую позабыл. Не поверит.

Крякнул медведь Спиридон и достал из лукошка ещё одного рака.

— Бери, — говорит, — и четвёртого, козь, тогда.

Потом посмотрел в лукошко и последнего достал.

— И этого, — говорит, — бери! Может, у тебя дед есть или бабка какая... Бери уж заодно и лукошко, а то не поверит твоя мать, что такой добрый, как я, медведь мог тебе дать раков без лукошка.

Сунул медведь Спиридон Лисёнку лукошко с раками и пошёл к речке: надо же чем-то завтракать. Шёл и бранился:

— Вот племя плутовское! Угостил меня, так не забудь угостить и всех моих сродничков. Сатанёнок.

А Лисёнок бежал вприпрыжку домой и радовался:

— Добыл раков! А день только ещё начался, к вечеру ещё чего-нибудь добуду. Проживу!

ПОШУТИЛ

Прибегает заяц с Лысой горы к зайцу Длинные Уши и говорит:

— Ты знаешь, заяц Рваный Бок вчера волка в капкан поймал и оприколил у своего дома.

У зайца Длинные Уши и глаза сразу округлились.

— Ну?!

— Да. Поставил хитрец на волчьей тропе капкан огромный. Волк шёл и попался. Рваный Бок посадил его на цепь у крылечка, и теперь волк его охраняет за вилок капусты в месяц.

— Эх, — вздохнул заяц Длинные Уши, — мне бы поймать. Я бы тогда никого не боялся. Пошёл бы на прогулку, волка на ремешок — и с собой: тронь меня попробуй. А сейчас к моему носу каждый старается кулак поднести поближе и припугнуть пострашнее.

Посидели они, поморгали, заяц Длинные Уши и говорит:

— А ты знаешь, сегодня на поляне собрались медведи со всей рощи и решили: как только кто соврёт, тут же хватать его и подвешивать за задние лапы к дереву. Пусть на солнышке покачается, посохнет.

У зайца с Лысой горы и глаза врозь:

— Ну?!

— Да. И ещё решили: не снимать вруна с дерева до тех пор, пока у него не выпадет последний зуб изо рта.

— О, так и высохнуть, пожалуй, на дереве можно. Или с голоду помереть. И так и так плохо, — сказал заяц с Лысой горы и подъёрзнул к зайцу Длинные Уши поближе. Задёргал плечами: — Ты знаешь, никому не говори про то, что я рассказал тебе. Он, Рваный Бок-то, говорил как-то, что неплохо бы поймать волка и посадить у дома на цепь, но пока ещё не решил, где и как будет ловить его.

— Д-да? Понятно. — Заяц Длинные Уши сказал это так загадочно, что зайцу с Лысой горы нехорошо стало.

— Х-хочешь, — подъёрзнул он ещё ближе, — я тебе морковку принесу?

— Чем не одаришь, всё любо.

— Вот и хорошо, — припрыгнул заяц с Лысой горы и быстрее ветра помчался на деревню.

Принёс две красные сочные морковки.

— Вот, — говорит, — ешь. Только, пожалуйста, никому не рассказывай про то, о чём говорил я тебе: я пошутил просто.

— Ладно, не скажу. Нешто я бессердечный, не понимаю? — пообещал заяц Длинные Уши и обмыл в роднике морковку.

Съел её и добавил:

— Да ты не тревожься особенно-то, спи спокойно: я ведь тоже пошутил просто.

И обмыл в роднике вторую морковку.

БЕДА, КРЫСА И ГОРНОСТАЙ

Немало на своём веку Горноста́й по земле походил, в каких только краях не был. Пришёл в Гореловскую рощу. Понравилась она ему, и решил он в ней навсегда поселиться. Быстро друзьями оброс. Что ни вечер, бегут они к нему со всей рощи посумерничать, время скоротать. Соберёт их Горноста́й вокруг себя и начинает рассказывать, где он был, что видел.

Слушают его друзья и головами качают: оказывается, каких только краёв на земле нет. Походить бы, поглядеть. Да ведь это не то что на речку сбегать, воды похлебать. Дорога дальняя, места чужие, и не увидишь, как с бедой встретишься.

А Горноста́й смеётся:

— Беда, она тебя и дома найти может. Зато походишь, поглядишь. Вон я в Крыму был. Горы — до неба, а некоторые даже выше. Бежишь по такой горе и радуешься — как ты высоко к солнцу поднялся.

И так почти каждый вечер: Горноста́й рассказывает, а друзья его слушают.

А поблизости, на Маньяшинском кургане, Крыса жила. Завидно ей было, что Горноста́й успел и побывать везде, и

друзьями обзавестись в роще, а вот она, Крыса, и давно здесь живёт, а дружить с ней никто не хочет.

И задумала Крыса выжить Горностая из рощи.

«Хоть и повидал он много, но ведь не по небу и он ступает, всё по той же земле, и его запросто подкузьмить можно, если взяться за это с головой».

И взялась Крыса. Проведала, что в Осинниках Беда на ночь остановилась, прибежала к ней. Отыскала её в малинике. Дёрг-дёрг за рукав.

Спала Беда. Открыла глаза, спрашивает:

— Кому я здесь понадобилась? Что-то не разгляжу спросонья, да и месяц за тучу скрылся. Кто ты?

— Крыса я. Ты чего лежишь-то? Жируешь? Ты — Беда. Ты не лежать, а бедовать в наш край пришла, вот и бедуй. К Горностаю иди. Хвастался он, что почти всю землю обошёл, и никакой беды не боится.

— Где живёт он? — вскинула Беда брови крутые. — Веди меня к нему.

— Возле Маньяшина кургана живёт он. Придёшь в Гореловскую рощу, тебе каждый покажет. А вместе нам идти нельзя: поколотят меня потом, если я приведу тебя к нему.

Пришла Беда в Гореловскую рощу. Смотрит — Заяц по просеке скачет. Окликнула его:

— Эй, косо́й, где у вас тут курган Маньяшин? Там, говорят, поблизости Горностай живёт, повидать мне его надо.

Смекнул Заяц, что Беда перед ним, и думает: «Надо выручать друга». И направил Беду совсем в иную сторону — к Ванину колодцу, а сам напрямик к Горностаю.

— Перебирайся, брат, жить в другое место: Беда тебя разыскивает.

Собрал Горностай пожитки свои и перебрался в Косо́й овраг. Место здесь для травы ладное, почему здесь не пожить в красоте такой?

Поплутала Беда по роще, выбралась, наконец, к Маньяшину кургану, смотрит — нет Горностая. Нет так нет, не искать же его по всей роще. Да и спать хочется, в Осинниках-то недоспала. Легла под берёзу, свернулась калачиком, уснула, а Крыса вот она, теребит за плечо.

— Ты чего тут завязла? К Горностаю шагай. Пока ты

плутала по роще, он в Косой овраг жить перебрался. Туда иди, там он.

Рассказала Крыса, как идти надо. Пошла Беда. Выбралась к оврагу, а он — длинный и весь черёмухой зарос. Где в нём искать Горностаю?

Мимо Сова летела. Окликнула её Беда:

— Эй, Сова, большая голова, где у вас тут Горноста́й живёт? Повидать мне его надо.

Смекнула Сова, что Беда перед ней, думает: «Надо выручать приятеля». И направила Беду совсем в иную сторону — к кусту ракитовому, а сама к Горностаю поскорее полетела:

— Перебирайся, брат, жить в другое место. Беда по оврагам ходит, тебя разыскивает.

Собрался Горноста́й поскорее и побежал к сосне с кривым сучком, возле неё решил поселиться. А Беда искала его, искала в Косом овраге, не нашла. Легла под куст шиповника, уснула. А Крыса, вот она уже, тербит за плечо.

— Ты чего вытянулась? Никакого в тебе радения нет. Не зря говорят, что трутню и в будни праздник. К Горностаю иди. Пока ты плутала по оврагу, он к сосне с кривым сучком перебрался. Там и найдёшь его. Иди и помни: прытка блоха, да вязнет в пальцах.

— Нет, — вскинула Беда брови крутые, — хоть и ладно ты баюкаешь, да сон не берёт. Никуда я не пойду. И велик у меня кулак, да плечо узко — не размахнуться. Не найти мне Горноста́я: приятелей у него много, не ту дорогу указывают. Обезножела.

— Ну, затарантела, таранта, поехала. Конечно, врать — не мякину жевать, не подавишься. Но ты к нам в рощу не лежать, а бедовать пришла, вот победуй. Иди к Горностаю.

— Чтобы опять встретить кого-нибудь из его друзей и на смех себя выставить: искать там, где не найти никого! Хватит, досыта набродилась. Время теряю, а дела нет. Я лучше у тебя поселюсь, в твоей норе бедовать буду. Мне ведь всё равно бедовать где.

Ох, как услышала это Крыса, так и кинулась бежать, да не успела: Беда её за хвост схватила. И с той поры так и бегает за Крысой, за хвост её держится. Оттого у Крысы и хвост длинный, что она на нём Беду за собой таскает

Пришла осенью в Гореловскую рощу Беда погостить. Пока шла, притомилась. Упала на ворох опавших листьев, лежит отдыхает. Слышит — два Ёжика неподалёку под осинкой разговаривают. Прислушалась — о ней говорят.

— Опять носом хлюпаешь? — говорит один. — Поглядел бы ты на себя, на кого ты похож стал: кожа да кости, глаза провалились. Будет слёзы-то лить.

— Так ведь Беда у меня в гостях побывала, — отвечает ему другой Ёжик. — Осинку на крышу моего домика повалила, того и гляди, обвалится домик мой.

— Так это когда случилось-то? — говорит первый Ёжик. — Весной ещё, а сейчас вон зима лечь собирается. А ты всё хлюпаешь. Другой бы домик давно построил, раз судьба твоя сложилась так. Нужно уметь сильнее любой беды быть, не то навалится она на тебя и придавит к земле.

— Хорошо тебе советы давать, — говорит второй Ёжик. — Тебя Беда стороной обходит, а села бы она тебе на плечи, узнал бы тогда.

— Где бы села, там и слезла, — отвечает первый Ёжик. — На моих плечах ей долго не усидеть. Беда, она слабых любит. Она едет на том, кто её везёт. Возле меня ей делать нечего. Я не ты, слезами её поить не буду.

Лежала Беда, слушала Ёжика и думала: «Хвастун какой. Ну погоди, окорочу я тебя, другим голосом запоешь. Расхрабрился. Ну что ж, посмотрим, кто из нас сильнее...»

И тут же прикинулась Беда Крысой — Беда кем угодно прикинуться может. Пошёл Ёжик домой, догнала она его.

— Погоди, — говорит, — слово у меня к тебе есть. С товарищем ты тут говорил, а я слышала. Скажи, успокаивал ты его или и впрямь тебе никакая беда не страшна?

— А чего мне её бояться, — отвечает Ёжик. — Я так сужу: не сама беда страшна, страшны мысли о ней. Если ты к страшной беде да прибавишь страшные мысли, считай — пропал ты. Рано или поздно к каждому из нас приходит беда, к одному побольше, к другому поменьше, но обяза-

тельно придёт, никого не минует. И нужно быть готовым встретить её.

Сказал так Ёжик и побежал себе домой, а Беда глядела ему вслед и думала: «Посмотрим, как ты приготовился встретить меня». Вызнала она, куда Ёжик спрятал яблоки на зиму, и перехоронила их в другое место. Хватится Ёжик — нет яблок, и зальётся слезами: зима надвигается, поди запасись теперь, когда отошла уже пора яблочная. Вот уж посмеётся над ним Беда.

На другой день опять прикинулась Беда Крысой, прибежала к Ёжику. Смотрит — стоит он над разворванным тайничком и... смеётся.

— Обворовали, — говорит, — меня.

— А чего ж тут смешного, — говорит Беда. — Ты всё лето запасался, а кто-то пришёл и забрал готовенькое. Плакать нужно, а ты скалишься.

— Не могу я плакать, — говорит Ёжик. — Я как представляю себе, как вор воровать ко мне шёл, как вздрагивал и замирал при каждом шорохе, так и смех меня разбирает. Сколько он, бедняга, страху натерпелся, пока яблоки мои таскал. Уж за один этот страх ему всё простить можно.

— Но ведь надо же тебе жить как-то?

— Проживу. Где сам чего добуду, где товарищи помогут. Не пропаду.

Слушает Беда Ёжика и думает: «Ну погоди, я тебе ещё не то сделаю...»

И сделала: сломала у Ёжика избёнку.

— Вот теперь увидим, — говорит, — кто сильнее, ты или я.

Прикинулась на другое утро Крысой, прибежала к Ёжику. Смотрит — сидит Ёжик у поваленной избёнки, голову повесил, грустный. Остановилась перед ним Беда, посочувствовала:

— Горе у тебя. Больно тебе.

Думает: «Разжалоблю его сейчас, он и расплачется». А Ёжик вздохнул только и говорит:

— Не моя печаль печалит меня. Вот сижу я и думаю: хорошо, что эта Беда на меня угодила. Я крепкий, выдержу. А свались она на соседа моего, духом упал бы он. Как подумал бы: «Зима идёт, а мне жить негде», — и стала бы его

беда во сто крат тяжелее. А меня Беде не испугать. У меня товарищей полна роща. У одного недельку поживу, у другого. Перезимую как-нибудь, а весной новый домик поставлю, ещё лучше этого. Мы, ёжики, в беде не оставляем друг друга.

Услышала это Беда и пошла прочь. Поняла она, что не одолеть ей Ёжика, что он сильнее её. Уходила она по просеке, а Ёжик стоял у разваленной избушки и говорил:

— Ничего, выдержу. Беда, она ленивая. Она едет лишь на том, кто везёт её. Беда любит слабых. Слабых духом любит Беда.

БРАНИТ ЛИСА МЕДВЕДЯ

Повадился медведь Тяжёлая Лапа к Лисе в гости ходить. Не успеет через порог перенести себя, а уж спрашивает:

— Чем ты меня, Лисонька, сегодня потчевать будешь? Так и хочется Лисе крикнуть:
«Раскаткой по башке!»

Совсем медведь одолел её. Но как крикнешь? Он, медведь-то Тяжёлая Лапа, на слова скуп, зато щедр на затрешины. Кто от него в роще только не плакивал! Он такое сотворить может, что и голоса навсегда лишишься.

Крепилась Лиса, хоть и надоело ей кормить медведя. И вот как-то поймала она куропатку в роще, оципала её, ожарила, только есть собралась, а медведь лезет через порог, несёт свою особу.

— Здравствуй, Лисонька. Что так удивлённо глазки вскинула, шишку на лбу у меня выглядела? Да, я сегодня с нагулом. С медведями осинскими вчера подрался. Они и нарисовали мне на лбу дубинкой красоту эту.

Сообщил и по-хозяйски за стол вдвинулся. Смахнул на пол крошки со столешницы, прогудел:

— Ну, чем ты меня сегодня потчевать будешь? Готов я.

«Ну, — думает Лиса, — была не была, а сейчас я тебя, мохнач, ожгу словом огненным. Всё выскажу, больше тер-

петь не буду. Мало тебе осинские медведи дали, больше бы надо. Хватит тебе объедать меня».

И сказала:

— Бессрамный ты, ни стыда в тебе, ни совести. За космы бы тебя да мордой в грязь.

И поднялся медведь Тяжёлая Лапа во весь рост, задохся от гнева:

— Что-о?!

Тут уж у Лисы и сердце в пятки ушло. Совсем она иным голосом запела:

— Совести, говорю, в тебе нет. Не мог ты разве, бесстыдник, раньше прийти? Уж я ждала тебя, ждала, все окошки проглядела. Куропатку вон ожарила, вишь румяная какая.

— А, ну тогда другое дело. — Опустился медведь на лавку и куропатку к себе придвинул.

Наклонился над нею, носом водит, приглядывается, с какого конца есть её. Жалко Лисе куропатку стало. «Ну, — думает, — сейчас уж я тебе всё скажу, косолапый. Пора тебя отучить от моего дома, дармоед».

И сказала:

— И всё же ни стыда в тебе, ни совести. Что ты на мою куропатку глаза пялишь, что носом над нею водишь, беспутный?

— Что?! — забасил медведь и с лавки приподнялся. Волосы вздыблены.

И опять у Лисы сердце в пятки ушло. Совсем она иным голосом заговорила:

— Бессовестный, говорю, что ты на мою куропатку смотришь? Её поскорее есть надо, а ты глядишь только.

— А, ну тогда другое дело, — прогудел медведь и съел куропатку.

Чайку из самовара нацедил, попил с вареньем ежевичным, отвалился к стенке, похлопал по сытому животу лапой:

— Накуропатился.

И разопревший, дюжий поднялся из-за стола, пошёл к порогу.

«Ну, — думает Лиса, — уж сейчас я тебе, объедало, всё скажу. Оставил меня голодать».

И сказала:

— Не приходи ко мне больше, ветьльник окаянный. Замайл ты меня, мытарь.

— Что?! — повернулся медведь Тяжёлая Лапа.

И сразу понежнела Лиса:

— Не приходи, говорю, ко мне больше поздно так. Уж я всегда жду, жду. Измечусь по окошкам, все глазоньки прогляжу, а тебя всё нет и нет.

— А, это другое дело, а то уж мне попритчилось, — прогудел медведь и головой покачал. — Ох и язык у тебя, у бесовки! Так и колется, острый такой. Ну уж ладно, так и быть, я завтра пораньше приду.

И пришёл. Только Лиса гуся поджарила, а медведь лезет через порог, кряхтит:

— Здравствуй, Лисонька. Ты меня будто дурманом опоила: так меня и тянет к тебе, дома усидеть не могу. Ну, чем ты меня, хорошая, сегодня угощать будешь?

Лиса даже покраснела вся от гнева.

— Раскаткой по башке! — кричит.

— Что?! — возвысился над нею медведь.

И простонала Лиса:

— Раскаткой по башке, говорю, угостила бы тебя, если бы не люб ты был мне, искуситель, а то вон гуся приготовила, в горнушке допревает. Что у порога отаптываешься? В красный угол проходи. Я дорогих гостей в красном углу встречаю.

— А!.. — прогудел медведь Тяжёлая Лапа и за стол вдвинулся. — А мне уж примерещилось... Ну да ладно, что балабонить попусту. Где твой гусь-то?.. У, мясистый какой. И пахнет как вкусно, на всю избу. Волоки его сюда скорее.

ИСКАЛ МЕДВЕДЬ ВИНОВАТОГО

Шёл ночью медведь по лесу. Месяц был нановице, светил плохо, темно было. Вдруг вывернулся кто-то из-за дуба и без окрика, без предупреждения — бац! — колом по башке. Так и вытянулся медведь во всю длину на тропе. Видел —

метнулись спешно какие-то тени в глубь чащи. Слышал — кто-то по-волчьи зубами клацнул, по-барсучьи хрюкнул, поллись тявкнул, и всё стихло.

Чуть дополз медведь до своей берлоги. До утра лежал в кровати и всё мокрую утирку к шишке на затылке прикладывал, а утром пошёл всех скликать к себе. Ворчал:

— Им, каталажным, только дай потачку, они так и будут поколачивать. Ишь, расшалились, шалуны ночные.

Собрал всех у своей берлоги, уместился на пне и говорит:

— Вот этим колом сегодня ночью меня кто-то незаконно по башке стукнул. Это ты был, Волк?

И завилял Волк хвостом, заскулил:

— Что ты, Михайло Иванович, чтобы я тебя... Ты же знаешь, что я всегда о тебе... И на том крепко стоять буду, по чести говорю. Как ты мог подумать, что я... Ах, если бы ты мог в душу мою заглянуть, изведать любовь моего сердца...

Хвостом виляет, грудь когтями царапает, доказывает, что не он это медведя обидел. А Заяц сидит у кусточка, помалкивает. А чего ему, Зайцу-то, говорить? Все и без того знают, что он с вечера закрывается у себя в домишке и до утра наружу носа не высовывает.

— Вижу теперь, — сказал медведь, — не ты виноват, Волк. Тогда, может, это был ты, Барсук?

И завилял Барсук хвостом, заскулил:

— Что ты, Михайло Иванович, чтобы я... Да ты же знаешь, как я тебя... Я не какая-нибудь сума перемётная. Да ты для меня... Ах, если бы ты мог в сердце моём побывать, ты бы увидел, как я тебя...

Хвостом виляет, грудь когтями царапает, доказывает, что не он это медведя обидел. А Заяц сидит у кусточка, помалкивает. А чего ему, Зайцу-то, говорить? Все и без того знают, что Заяц на медведя и поглядеть-то прямо не смеет, и слово-то при нём страшит выговорить, не то чтобы ударить чем.

— Вижу теперь, — сказал медведь, — не виноват ты, Барсук. Тогда, может, это была ты, Лиса?

И завиляла Лиса хвостом, заскулила:

— Что ты, Михайло Иванович, ты же знаешь, что ты для меня... Я даже детям моим всегда говорю, что ты... И чтобы я... Ах, как ты ознобил сердце моё подозрением напрасным. Ведь я...

Хвостом виляет, грудь когтями царапает, доказывает, что не она это медведя обидела. А Заяц сидит у кусточка, помалкивает. А чего ему, Зайцу-то, говорить? Все и без того видят, что ему и кола-то не поднять, которым медведя стукнули.

— Вижу теперь, — сказал медведь, — не ты виновата, Лиса. Но кто же тогда на меня так решительно кол поднял?

И подошёл тут Волк к Зайцу и зубы ощерил:

— А может, это был ты, косой?

И пронзил его взглядом огненным.

Сжался Заяц в комочек. Поглядел на него Барсук и тоже голос подал, тоже зубы ощерил:

— Может, и впрямь это ты нашего Михайла Иваныча обидел?

И рыкнул для острастки.

Но только зачем Зайца пугать? Зачем рычать на него так грозно? Он смолodu напуган: и радость таит и страх.

Моргает Заяц маленькими глазками, молчит. Да и что говорить ему? И так все знают, что он всю ночь в домике у себя спал, да и как он подойдёт к медведю, если он даже прямо взглянуть на него не смеет, а кол ему этот и с места не сдвинуть, не то чтобы бить им.

Молчит Заяц, а Лиса схватила его за ухо и подтащила к медведю поближе:

— Ну конечно, это он, срамник, ударил нашего Михайла Иваныча и покаяться даже не хочет. Ишь побелел как — чувствует свою вину.

Ни слова не сказал Заяц в свою защиту — у него от страха и язык отнялся, — промолчал. И медведь поверил, что это Заяц ударил его колом по башке. И отхлестал он Зайца принародно хворостиной, чтобы другим неповадно было подкарауливать его, медведя, в тёмные ночи с колом на тёмной тропе.

ВНУК СТАРОГО ГРОМА

За селом на холме стояла старая ветряная мельница. Давно она уже не работала, и никто на ней не жил. Но вот с некоторых пор стала эта мельница как-то странно поскрипывать. Вроде и ветра нет, жара, а мельничные крылья этак тихо: скрип-скрип, скрип-скрип...

А на днях случилось такое, от чего у бабушки Василисы ещё три волоска на висках поседели.

Взяла она утром лукошко, посошок и пошла в лес за клубникой. Идёт, лукошком помахивает, посошком постукивает: туп-топ, туп-топ...

А идти нужно было мимо мельницы. Поравнялась бабушка с ней и слышит: мельничное крыло этак загадочно: скрип-скрип... И тут что-то тяжёлое — джик! — мимо бабушкиного носа — и шмяк об дорогу.

Смотрит бабушка Василиса — вроде пыль перед ней поднялась, и слышит она, будто голос какой-то:

— Хе-хе! Испугалась, бабушка?

И тут высунулась из пыли мордочка, синяя-синяя, и улыбнулась.

Дрогнуло у бабушки сердце — и выпало из рук лукошко. Повернулась бабушка и напрямик, напрямик через луг, спотыкаясь, прибежала в село. Рассказывает, губы дрожат, руки дрожат — а никто не верит.

А на чердаке мельницы в это время дед Гром бранил своего внука Громёнка:

— Опять на мельничном крыле катался? Смотри, расшибёшься!

— Не расшибусь, дедушка, — храбро ответил Громёнок, — я ловкий! — и под носом вытер.

— Ловкий-то ловкий, а вон бабушку напугал, лукошко потерял.

— Я ей отдам, дедушка! Вот как пойдёт она в лес, так и отдам.

Снаружи вдруг потемнело и зашуршало по крыше:

— Эй, дедушка Гром, жив ли? Отвори-ка окошко.

Обернулся старик Гром и видит: ухватилась за мель-

ничное крыло Туча, заглядывает на чердак. Сама чёрная, а вокруг, как огненные змеи, молнии извиваются.

— О! — протянул дед. — А я думаю: что это у меня с самого утра поясницу разламывает? К дождю, значит.

— К дождю, дедушка, к дождю, — подтвердила Туча и добавила: — Идём, погреми немножко. А то и воды во мне много, и молний, а погременить некому.

— Нemoжeтся мнe, — ответил Гром, — стар становлюсь. Хочешь, возьми внука. Он хоть и молод, а гремит здорово.

— Меня, дедушка! — Громёнок даже подпрыгнул от радости: больно уж ему погременить хотелось.

— Тебя, — продолжал дед. — Да не безобразничай. Бабушку вон напугал: потеряла лукошко.

Посадила Туча Громёнка на спину, и поплыли они поля, лес, село дождями поливать. Хорошо полили и погремели на славу. В нашем селе давно такого резвого грома не слышали.

Ну, а после дождя, как известно, грибов полон лес. Взяла бабушка Василиса второе лукошко, что дедушка Матвей на досуге сплёл, пошла в берёзовую рощу. Да не мимо мельницы, а окольной дорогой.

Пришла в рощу, насобирала грибов, шагает по просеке, цветам улыбается, солнышку. И вдруг слышит — зовёт её кто-то:

— Бабушка, а бабушка...

Оборачивается и глазам не верит: по просеке, покачиваясь, будто несёт его кто, шагает к ней лукошко — то самое, что она у мельницы выронила. Охнула бабушка Василиса, бросила грибы — и домой.

Мчится по просеке, ног под собой не чувствует. А сердце: тук-тук, тук-тук... Дышать нечем бабушке. Остановиться хотела, оглянулась и видит — бегут за ней оба лукошка и кричат:

— Бабушка, обожди! Бабушка, обожди!

Взвизгнула бабушка Василиса и про старость забыла.

Прибежала в деревню, разевает рот, машет руками, а сказать ничего не может.

А вечером вышла на крыльцо и видит — стоят её оба лукошка на нижней ступеньке. Одно — с ягодами, другое — с грибами.

«Нечистая сила донимает», — решила бабушка Василиса. Перекрестила она трижды оба лукошка и закопала в огороде под старой осинкой.

А на мельнице Громёнок говорил деду:

— Ну вот, дедушка, понёс бабушке лукошко, а она испугалась и второе бросила. Я догонял, догонял — не догнал. Отнёс и на крылечко поставил. Теперь, наверное, уже в избу внесли, грибы жарят.

ЛЕЗ МУРАВЕЙ НА СОСНУ

В роще ещё была ночь, но Муравей уже проснулся у себя в муравейнике и тихо, чтобы никого не потревожить, начал пробираться по тёмному коридору наружу. Выбирался он долго и, когда выбрался, увидел, что в рощу входит рассвет. Значит, там в полях за рощей загорается заря.

Звёзды уже начали блёкнуть и осыпаться с неба, как осыпаются с деревьев отзеленевшие листья. Неподаляку, в дупле липы, засыпая, хохотал сиплым хохотом филин.

— Не опоздать бы, — сказал Муравей и полез на сосну.

Он не видел, что следом за ним, крадучись, вышел из муравейника сосед его и тоже стал взбираться на сосну. Сосед заметил, что каждое утро Муравей, таясь ото всех, залезает зачем-то на сосну, и решил вызнать, что он на ней делает. Хитрой сноровки был сосед.

Муравей лез быстро. Он немного проспал сегодня и потому торопился. Сосед едва успевал за ним. И был осторожен. Он даже сопеть боялся, чтобы Муравей не слышал. Одним громким вздохом можно загубить всё.

«Дело опасное, — подбадривал он самого себя, — поостеречься надо. Выдашь себя — и не узнаешь, что Муравей на сосне прячет».

А что Муравей чего-то прячет на сосне, сосед не сомневался.

«Сегодня узнаю. Он ещё умом короток, чтобы обхитрить меня. Выслежу».

Муравей вскарабкался на самую макушку сосны и стал смотреть в сторону востока. Там розовые дымились в заре облака. Муравей глядел на них и шептал:

— Скоро, уже скоро. Я вижу.

И глаза его были розовыми от зари.

Сосед тоже смотрел в сторону востока. Видел небо. Оно упиралось в окраек поля, и заря как будто бы старалась поджечь его. Ничего особенного перед собой он не видел.

И вдруг Муравей закричал:

— Вот оно! Поднимается! Значит, и сегодня оно будет светить нам! Ух, какой красоты невиданной!

— Кто? — не выдержал и спросил сосед. — О чём говоришь ты?

И только тут Муравей увидел его, и глаза его засветились радостью.

— Ты тоже здесь? Ты тоже пришёл посмотреть, как всходит солнце! Правда, в его восходе есть что-то такое... такое? Я каждый день поднимаюсь сюда, чтобы посмотреть, как оно всходит.

Сосед ничего не сказал на это. Сопя, он понурый пополз вниз. Он думал: у Муравья на сосне что-то спрятано, может, что-то из еды, и тот поделится с ним. Он так долго ждал, перезяб, а на поверку одни пустяки вышли, дурачество. «Зря лазил, живот оцарапал только и в росе изгваздался. Эх...»

ЛОСЬ ИЗ ГОРЕЛОВСКОЙ РОЩИ

Подружился Лось из Осинников с Лосем из Гореловской рощи и уманул его к себе жить.

— Вместе, — говорит, — всегда будем.

Лось из Гореловской рощи сначала упирался, но шёл.

— Я, — говорит, — здесь родился. Здесь у меня всё своё. Каждая тропинка, каждое деревце знакомы.

— И у меня в роще всё узнаешь, со всеми перезнакомишься.

И Лось согласился, пошёл. И правда, быстро освоился в Осинниках: роща не лес, здесь всё на виду. И всё бы хорошо, но однажды попил он воды из озера и говорит:

— Эх, поставить бы вон с той стороны две плакучие ивы, а вот здесь камень бы замшелый утвердить, и было бы это озеро совсем как моё.

— Придумаешь ты тоже, — сказал Лось из Осинников. — Если с той стороны поставить плакучие ивы, а здесь камень утвердить, тогда это будет твоё озеро, а сейчас оно — моё.

Ничего на это не сказал Лось из Гореловской рощи. Только как-то вскоре после этого проходили они мимо горы. Остановился он, задрал кверху голову и говорит:

— Эх, если бы этой горе да побольше лысинку, да вон там оврагом бы её разрезать, то была бы она совсем как моя гора.

— И придумал же ты опять, — сказал Лось из Осинников. — Да если эту гору побольше вылысить да оврагом прорезать, то она уже будет твоей горой, а сейчас она — моя.

Ничего и на это не сказал Лось из Гореловской рощи. Только как-то идут они по полянке, а он остановился вдруг и вздохнул.

— Эх, — говорит, — если бы вон ту берёзку переставить вот сюда, а эти дубки убрать и на их место поставить сосенки, то она была бы совсем такой, как у меня в роще.

— Ну что ты всё выдумываешь, — сказал Лось из Осинников. — Если ту берёзку переставить сюда, а на место этих дубков поставить сосенки, то это уже была бы твоя полянка, а сейчас она — моя.

— Вот и я об этом же думаю, — сказал Лось. — Если здесь ничего моего нет, тогда зачем же я здесь?

Сказал и пошёл к себе в Гореловскую рощу. Сперва не быстро шёл, но чем ближе подходил к родным местам, тем всё машистее шаг делал. Потом побежал...

ТАК ТОВАРИЩИ НЕ ДЕЛАЮТ

Приснился медвежонку Ивашке сон, будто пошли они с Мишуком в соседний лес за малиной. Забрался Ивашка в малинник, очень малиновый куст нашёл. Сидит, малинку с него сдвигает, Мишука не зовёт: позови его, самому не хватит.

А Мишук аукает, окликает его:

«Где ты, Ивашка?»

Молчит Ивашка, сидит за кустом, будто и нет его. Отзовись, прибежит Мишук. Он такой нахрапистый, подсядет рядом, обеими лапами, кубарик, хватать будет. Горсть сорвёт — убыль: ему, Ивашке, на целую горсть меньше достанется. Лучше уж помолчать, притаиться.

Помолчал Ивашка, не откликнулся на голос Мишука. А Мишук покричал, поаукал и затих — вот и хорошо, не больно и жаль. Обобрал Ивашка малину, вышел на полянку — нет Мишука. Туда, сюда — нет нигде.

А лес вокруг тёмный, кряжистый. Где-то невидимый потатуйка стучит. Поляна следами неведомыми ископана. Заробел Ивашка. В одну сторону кинулся — нет конца лесу жуткому, в другую сторону кинулся — стоит он стеной непроходимой. И не знает Ивашка, куда бежать ему, где берлога его. Вот как круто дело-то обернулось.

Приложил медвежонок лапы ко рту, завопил:

«Ауу! Ми-и-ша!»

Долго кричал, осип даже. Но на крик его только ворон из чащи откликнулся. Изодрался Ивашка, между деревьями плутая. Обшарил всё вокруг, обаукал — нет Мишука. А тут и ночь налезла страшная. Со всех сторон обошла, хоть глаз коли, не видать ничего.

И кто знает, что бы с Ивашкой было? Может, так и пропастился бы он в чужом лесу, если бы не проснулся. Но, к счастью, проснулся Ивашка. Смотрит: он у себя в берлоге. Никакого чужого леса нет. И Мишук вон косолапит к нему по тропинке в гости и репы с живота счёсывает.

Рассказал Ивашка Мишуку сон свой и говорит:

— Что ж ты меня, Мишка, в неведомом лесу одного бросил? Что скалишься и лапой морду трёшь? Разве так настоящие товарищи делают? Я голос изодрал, тебя всё звал.

— Что ж ты меня коришь? — насупился Мишук. — Это ж во сне было, а во сне всякое присниться может.

— И во сне так настоящие товарищи не делают. Где тебя, дьявола, носило?

И одного только не рассказал Ивашка: как он сидел, неслышный, во сне под малиновым кустом и сдаивал с него малинку и, когда окликнул его Мишук, не отозвался, чтобы не пришёл тот и не подсел рядом. Не рассказал этого Ивашка, потому что знал он теперь, что и так тоже настоящие товарищи не делают... даже во сне.

ТАИНА

Проведала Сорока, что у Зайца есть какая-то тайна, и растрезвонила по лесу:

— Есть у Зайца какая-то тайна, я только вывести не смогла какая.

Прослышала об этом Лиса и побежала к Зайцу. Может, проведал он, как незаметно прокрасться в колхозный птичник и унести курицу. Вот было бы кстати.

Прибегает, спрашивает:

— Говорят, у тебя есть какая-то тайна?

— Есть, — отвечает Заяц.

— Ну-ка, скажи мне её.

— Нет, — говорит Заяц, — не могу.

— Не можешь! — твякнула Лиса и схватила Зайца за шиворот. — Ах ты, козюлька, досадить мне умыслил?

— Ну что ж, — сказал Заяц, — меня каждый обидеть может, я для всех доступный, но пусть умру я, но вместе со мной умрёт и моя тайна.

Сказал он так, и отпустила его Лиса.

«Ладно, — думает, — я каким-нибудь окольным путём выведаю его тайну, а умрёт Заяц, ничего не узнаешь».

И убралась восвояси. А Сорока растрезвонила по лесу,

что вот приходила к Зайцу Лиса, грозилась убить его, но Заяц всё-таки не сказал ей своей тайны.

— Лисе не сказал, а мне скажет. — Расправил Волк пошире плечи и отправился к Зайцу. Может, знает он, как неслышно подобраться к колхозной кошаре и унести овцу.

Пришёл Волк к Зайцу и спрашивает нахраписто:

— Говорят, у тебя есть какая-то тайна? Ну-ка, говори мне её.

— Тайна у меня есть, — отвечает Заяц, — но сказать я тебе её не могу.

— Не можешь?! — осерчал Волк и схватил Зайца за задние ноги, у того и в животе взбулькнуло. — Ах ты, бестия косая, озлить меня надумал? Да я тебя сейчас за эту речь дерзкую о пенёк, и дух из тебя вон.

— Дух из меня уйдёт, а тайна при мне останется, — пропищал Заяц.

И перелютовал Волк, отпустил его.

«Ладно, — думает, — против ветра не надуешься. Я как-нибудь иначе выведаю его тайну, а умрёт Заяц, ничего не узнаешь».

И ушёл, а Сорока растрезвонила по лесу, что вот и Волк приходил к Зайцу, грозился убить его, а Заяц всё-таки не выдал ему своей тайны.

Дошла эта весть до Медведя. Задумался Медведь: какая ещё такая у Зайца может быть тайна? Может, проведаль он, как пробраться неслышно на колхозную пасеку и унести улей с мёдом?

— Надо пойти расспросить, — сказал Медведь и отправился к Зайцу.

Разыскал его у речки, спрашивает:

— Правду говорят, что у тебя есть какая-то тайна?

— Есть, Иваныч, — отвечает Заяц.

— Говорят, Лиса к тебе приходила, и ты не сказал ей.

— Не сказал, Иваныч.

— И Волку, говорят, не сказал?

— Не сказал.

— Неужели и мне не скажешь?

— Тебе бы можно, Иваныч, да... нельзя. И не понуждай. Место здесь больно видное. Сразу все догадаются, что я тебе

свою тайну говорю. Обидятся, что им не сказал, и найдут, чем досадить мне. Уж лучше не гневить никого.

— Пойдём, коль, тогда к тебе.

Замаялся Заяц:

— Ко мне бы можно, Иваныч, да... нельзя. Увидят, пошли мы с тобой, и скажут: Заяц Медведя повёл к себе, чтобы тайну ему открыть свою.

— Пойдём, коль, тогда ко мне.

— И это бы можно, Иваныч, да... нельзя. Увидят, пошли мы, и скажут: Медведь Зайца к себе повёл, чтобы тайну его выведать. Ты уж один иди, а за мной пришли кого-нибудь, будто в гости зовёшь.

На том и порешили. Прибежал Заяц домой. Сидит на завалинке, а Сорока летит:

— Иди скорее, косою, тебя Медведь в гости зовёт.

Пришёл Заяц, остановился у порога. Ужинал Медведь, пробасил:

— Ну, говори свою тайну, слушаю я.

Затоптался Заяц:

— Оно бы можно, Иваныч, да... нельзя: ты за столом сидишь, я у порога стою. Увидит кто, скажет: вовсе Медведь и не в гости Зайца позвал, а чтобы тайну его выведать. Да и я могу подумать, что ты гнушаешься со мной за одним столом посидеть.

— Что ты, — сказал Медведь и пригласил Зайца к столу, — просто мне хочется поскорее тайну твою узнать.

— А куда тебе спешить, Иваныч, и так ты самый первый узнаешь её, — сказал Заяц и придвинул поближе тарелку с блинами.

Поблиничал, наелся до отвала, нацедил кваску из жбана, выпил и глаза вытаращил:

— Вот это квасок! Пока пьёшь, весь переморщишься!

И когда поел и квасу попил, говорить не спешил: покачался в качалке медвежьей, приёмник покрутил, последние лесные новости послушал. А Медведь всё торопил его:

— Ну?.. Ну говори же скорее, умаял ты меня.

Поковырял Заяц в зубах для важности зубочисткой, сказал:

— Ну что ж, теперь я могу тебе, Иваныч, и открыть

мою тайну. Всю жизнь мне мечталось побывать в гостях у тебя. И чтобы ты сам меня пригласил. Посидеть за твоим столом, в качалке твоей покачаться, послушать приёмник твой. Это и было моей тайной.

— И только-то?!

— Только. Другой у меня тайны, Иваныч, нет и никогда не было. Сбылась мечта моя: побыл я в гостях у тебя. На всю жизнь мне хватит рассказывать об этом... А теперь реши мне домой пойти. Засиделся я у тебя, поздно уж. Жена хоть и знает, что ты меня в гости позвал, но всё равно волноваться будет.

ЛЕНЬ

Шла как-то вечером Лень по деревне, снежком похрупывала, на руки дула. Легко одета была — мёрзла.

Шла Лень и видит — огонёк желтеется. «Дай, — думаю, — зайду, обогреюсь».

Вошла Лень в избу — тихо. Принюхалась — тыквой пареной пахнет. Посмотрела на печку — а там Колька Грек у трубы сидит, уроки учит. Потопталась Лень у порога и говорит:

— Пусти погреться, пожалуйста.

— Залезай, — говорит Колька, а сам всё читает, старается.

Сбросила Лень пиджачишко с плеч, ботинки сняла дырявые, вскарабкалась на печку, греется, на Кольку поглядывает.

— Вот ведь, — говорит, — молодец ты какой: учишься. Ну учишь, учишь, а я тебе за это песенку спою.

Устроилась Лень поудобнее и запела. Глядел, глядел на неё Грек, отложил в сторону книжку и давай подпевать.

Так и сидели они рядышком, покачивались под песню, пели. А потом соскочили на пол, плясать начали. Лень крендель ножкой выпишет — и Грек за нею. Лень вприсядку пойдёт — и Грек тоже.

Вдруг — ку-ка-ре-ку! — пропел петух во дворе.

— Эх, — остановился Грек, — а уроки-то?

А Лень хлопнула его по плечу и говорит:

— Нашёл о чём тужить! Уроки и утром выучишь. Встанешь пораньше и выучишь. Ты же сообразительный, много ли тебе времени надо.

Так Грек и сделал. Рано-раненько проснулся, хотел встать, смотрит — Лень рядышком лежит и губами во сне причмокивает: чмок-чмок...

Жалко стало Греку Лень будить, пригрелся он у неё под боком, опять задремал.

И пошёл на этот раз Грек в школу неподготовленный. И дрожал весь день, не спросили чтоб. И ничего — отсиделся.

Возвратился домой — и за книжку скорее. Только страницу нужную нашёл, слышит — зовёт его кто-то. Оглянулся, а это Лень свесилась с печки, пальчиком манит:

— Иди, покажу что.

А сама подмаргивает таинственно так: смотри, дескать, мать не узнала чтоб.

Но матери не было дома, мать была на работе, и потому залез Грек на печь, а Лень ему карты самодельные показывает.

— Давай, — говорит, — в дурачка на щелчки сыграем.

— Давай, — отвечает Грек. — Только погоди, я за Ванькой Мартышкиным сбегая, втроём веселее будет.

Привёл Грек Ваньку Мартышкина, сели на печке. Лень карты разбросала, играют. Смотрит Грек, а у него одни шестёрки с семёрками. Как с такими картами выиграешь? Не выиграть с такими картами.

Проиграл Грек. Дали ему Лень с Ванькой по щелчку, снова раскинули карты.

И так до вечера. А вечером мать задержалась на ферме, и опять Грек один остался с Ленью на печке. Сидели они друг против дружки и в шашки играли. Только и здесь не везло Греку, прямо хоть плачь — не вылезает из угла, и только. Часов до двенадцати играл, так и не отыгрался.

И пошёл на другой день в школу Грек опять неподготовленным. На третий день Лень его на салазках сманила кататься. На четвёртый — рыбу на пруду глушить.

И стали замечать в школе, что творится с Греком что-то неладное. Раньше руку поднимал, отвечал бойко, а теперь двух слов связать не может, словно говорить разучился. Двойки в журнале появляться начали.

Удивительно!

И решили ребята поговорить с Греком. Созвали после уроков собрание и поговорили.

Пришёл Грек домой пасмурный. Разделся, задачки решать приготовился. А Лень сидит на печке, ножки свесила и головой качает:

— Что это, Коленька, ты даже «здравствуй» не сказал мне сегодня? Или обидел кто?

Поглядел на неё Грек, приподнялся из-за стола и говорит:

— Слезай с печки! — и ухват в руки взял.

Забеспокоилась Лень:

— Что это с тобой, Коленька? Я для тебя и карты, и рыбу, а ты...

— Слезай! — затопал Грек ногами. — Бить тебя буду, а может, даже и убью!

Видит Лень: плохо дело. Спрыгнула с печки, за пиджачишко — и бежать. Грек пригрозил ей вдогонку:

— Придёшь ещё — смерть тебе будет!

И что же? С того дня, как ни придёт к Греку Ванька Мартышкин, всё Грек над уроками сидит. Не то чтобы в карты играть — разговаривать даже не хочет.

Удивительно!

ЕСТЬ ДРУГ И У ФИЛЬКИ

Вы, наверное, знаете уже, что барсук Филька жил диковато. Друзей у него не было, потому что Филька считал, что друг — это одно беспокойство: то сам к тебе в гости пожалует, то тебя к себе в гости зовёт. Потому и жил Филька без друзей, чтобы никакого беспокойства не было, и говорил, что только так жить и надо — ото всех наособицу.

И вот как-то поселился рядом с ним барсук из Осинни-

ков. Голодно ему там стало, он и перебрался с семьёй в Гореловскую рощу. Вечером к Фильке пришёл:

— У тебя там не найдётся, сосед, пожевать чего-нибудь? Пока устраивался на новом месте, ничего добыть не успел. Я бы и так переспал, да ребятишки пристали — сходи попроси у соседа чего-нибудь.

В кладовке у Фильки были припрятаны три мыши да лягушка. Филька с запасцем жил, всего у него всегда вдосталь было. И есть он не хотел, поужинал уже. Можно было отдать соседу, но так рассудил Филька: бойкий какой сосед ему попался, видать, от всякого куса урвать норовит.

«Не успел оглядеться и уже просить идёт. Навадишь, потом не отстанет, так и будет ходить — дай да дай. Нет, милый, в чужой прудок не закидывай неводок», — подумал Филька, а вслух сказал:

— Со всей душой угостил бы тебя, да нечем: все запасы истощились.

— Ну и ладно, так переспим, — извинился сосед и закрыл за собой дверь.

Долго в эту ночь не мог уснуть Филька, всё ворочался, ворчал:

— Нестоящий сосед угодил мне. Охочий, видать, до чужого. Дай потачку, он и тропу к моему дому проторит. Навык, наверное, у себя в Осинниках шататься, и у нас с того же начинается. И совести хватило слово такое сказать — дай. Думал, наверное, что глупее себя нашёл.

Уснул уж под утро. И спал плохо: кошмарный сон сердце томил. Снилось Фильке, будто стоит перед ним сосед, рядом с ним жена его и дети. И все тянут нахально к Фильке лапы, и все просят:

«Дай, дай».

Филька так метался в постели, что с кровати свалился. Голова болела — ничуть не отдохнул. Вышел во двор, смотрит — а уж сосед с охоты возвращается, связку мышей несёт. Отобрал парочку пожирнее, протянул Фильке:

— На́, сосед, когда ты ещё себе добудешь, а перехватишь малость, оно на душе-то спокойнее будет. Бери.

Отчего не взять, коли дают? Взял Филька, подумал:

«Чудной какой-то сосед у меня, легко говорит как — на! У самого детей куча, а он со мной делится».

В другой раз наловил сосед лягушек на озере и опять парочку Фильке занёс. Фильки у двора не было, так он ему в окошко подал.

— Развлекись маленько, пожуй.

Взял Филька, улыбнулся: ну и сосед! Глупый, видать: и не просишь, сам даёт. Нисколько экономить не умеет. Ну и пусть делится, разве Фильке от этого хуже!

А однажды увидел Филька — сосед суслика поймал. И захотелось ему сусятинки отведать. Пришёл он к соседу, просит:

— Дай кусочек.

А сосед обрадовался, что Филька навестил его. Всегда мимо норовил пройти, а тут зашёл. Всего суслика отдаёт ему:

— Чего кусочек? Целого бери. Уж есть, так досыта.

Опешил Филька, попятился даже.

— А ты как же? Ты ещё, поди, не ужинал?

— Обойдусь.

— И дети вон у тебя.

— И они потерпят. Мы в обед сытно поели, можем и без ужина обойтись. Водички похлебаем и проспим до утра.

Дома у Фильки хомяк припрятанный лежал, да и без него было у Фильки поесть что, а сосед последнее отдал и себя и детей без ужина оставил.

Нёс Филька суслика к себе, и тяжёлым он казался ему. Стыдно было Фильке, первый раз в жизни стыдно было.

Не выдержал Филька, воротился с половины дороги и отдал соседу суслика:

— Понимаешь, пока шёл от тебя, хомяка поймал. Идём ко мне. И ребят своих бери, заодно поужинаем.

— Да они уже спать легли.

— Ну возьми тогда суслика. Утром они встанут, ты и покормишь их, а сам идём ко мне. Знаешь, какой хомяк жирный попался! И большой. Одному мне его ни за что не съесть.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Сидел Заяц под терновым кустом, горбился, о прожитой жизни думал и вдруг чувствует: сдавило ему сердце. Схватился лапками за грудь, разевает рот, вздохнуть хочет, а вдоха не получается.

«Значит, всё, — думает, — конец мне пришёл». И точно, смотрит: стоит перед ним его смерть, серенькая, с длинными ушами в крапинку.

— Что, — спрашивает Заяц, — уже?

— Да, — говорит Смерть, — подошёл твой срок. Ну, рассказывай, как ты жил.

Стал Заяц рассказывать, и вышло по его рассказу, что всю свою жизнь он только и знал, что бегал ото всех да по кустам прятался. Да и час назад всё по лесу петлял, следы прятал.

Записала Смерть ответ его, сказала:

— Да, мастер ты, я вижу, был уши наостривать. А теперь скажи, чему ты радовался в жизни.

Сказал Заяц:

— Больше всего радовался я, когда удавалось мне убежать от опасности подальше и спрятаться понадёжнее.

И этот ответ его записала Смерть. Почмокала губами:

— Да, вижу я, резво ты бегал и хитро прятался. Ну, а скажи, чем ты гордишься в своей жизни.

Вытянулся Заяц перед своей Смертью в струнку, доложил бодро:

— Горжусь, что непойманным до старости дожил и тебя в полном сознании встретил.

И покачала тут Смерть головой.

— Эх, ты, — говорит, — не прожил ты свою жизнь, а прокрался по ней. Даже срамно нести тебя такого. Глянет кто-нибудь и скажет: «Труса Смерть несёт». Обмараешься об тебя.

— Да, — вздохнул Заяц, — это верно, не показал я за всю мою жизнь своей смелости, а ведь её у меня полна грудь была. Но если ты расступишься сердцем, сжалишься и дашь мне день жизни, увидишь тогда, на что я способен.

Проявлю я героизм, и нести тебе завтра меня будет не стыдно.

Махнула Смерть рукой:

— Хоть я и не потатчица умирающим, да ладно, дарю тебе день жизни. Геройствуй.

И растаяла в воздухе, как будто её и не было. И тут же почувствовал Заяц, что не давит ему больше сердце и что он снова может дышать.

Подпрыгнул он тут от радости, закричал:

— Живу!

И слышит — идёт кто-то по лесу, шуршит под чьими-то шагами трава.

Пригнулся Заяц пониже и полез поскорее в терновый куст прятаться. Впереди ещё целый день жизни, и можно десять раз успеть проявить свою смелость. Зачем же рисковать раньше времени?

Заяц и в свой последний день остался зайцем.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ. <i>С. Полетаев</i>	3
ПОЧЕМУ ЗВЕРИ ВРОЗЬ ЖИВУТ	5
БАРСУК ФИЛЬКА	8
ГОРДЫЙ ПЕТУХ	12
ЗАГРОЗИЛ	15
ДВА КОТЕНКА	17
НЕПОХОЖИЕ ПРОХОЖИЕ	20
ЗАЯЧИИ ПЛЕТЕНЬ	22
ОБИДЕЛСЯ МЕДВЕДЬ НА СВЕРЧКА	25
ХИТРОСТЬ МЕДВЕДИЦЫ МАТРЕНЫ	26
ПЛЕМЯ ПЛУТОВСКОЕ	30
ПОШУТИЛ	33
БЕДА, КРЫСА И ГОРНОСТАЯ	34
КТО СИЛЬНЕЕ	37
БРАНИТ ЛИСА МЕДВЕДЯ	40
ИСКАЛ МЕДВЕДЬ ВИНОВАТОГО	42
ВНУК СТАРОГО ГРОМА	45
ЛЕЗ МУРАВЕИ НА СОСНУ	47
ЛОСЬ ИЗ ГОРЕЛОВСКОЙ РОЩИ	48
ТАК ТОВАРИЩИ НЕ ДЕЛАЮТ	51
ТАЙНА	52
ЛЕНЬ	56
ЕСТЬ ДРУГ И У ФИЛЬКИ	58
ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ	62

Для младшего школьного возраста

Вениамин Никифорович Бондаренко
Владимир Никифорович Бондаренко
НЕПОХОЖИЕ ПРОХОЖИЕ

Ответственный редактор *Т. В. Жарова*. Художественный редактор *А. Е. Цветков*.
Технический редактор *Г. Е. Гафт*. Корректор *Н. Е. Кошелева*. Сдано в набор 28/XI 1974 г.
Подписано к печати 11/V 1975 г. Формат 70×90/16. Бум. офс. № 1. Печ. л. 4. Усл. печ.
л. 4,68. Уч.-изд. л. 3,55. Тираж 150 000 экз. Заказ № 381. Цена 14 коп. Ордена Трудового
Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский
пер., 1. Калининский полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР
Росглавполиграфпрома Госкомиздата Совета Министров РСФСР. Калинин, проспект
50-летия Октября, 46.